

А. Чёрный

*Дом на
перекрестке
миров*

А. Чёрный

Дом на перекрестке миров

<https://litres.ru/72802292>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сергей Соколов, 25-летний парень, возвращается в родной дом бабушки Агафьи в деревне Ромашково, чтобы уйти от городской суеты и сохранить память о ней. От бабушки Сергею достается дом и её кот Черныш. Неожиданно питомец пропадает. В поисках кота Сергей сталкивается с магическими тайнами, о которых говорила бабушка, и обнаруживает, что их дом стоит на перекрёстке миров. Сергей погружается в загадочный мир, где живут Фырмырики и Бурмаляки. Вместе им предстоит раскрыть древние секреты, восстановить равновесие между мирами и вернуть Черныша, пока тёмные силы не разрушили всё. На этом пути Сергей открывает истинное наследие бабушки и обретает свою роль Хранителя перекрёстка миров, где магия и реальность переплетаются, а любовь и самопожертвование становятся ключами к спасению.

Содержание

Глава 1. Хранитель наследия	4
Глава 2. Грань между мирами	22
Глава 3. Исчезновение	37
Глава 4. Наследие Агафьи	53
Глава 5. Перепутье решений	72
Конец ознакомительного фрагмента.	84

А. Чёрный

Дом на перекрестке миров

Глава 1. Хранитель наследия

– Мяу. Мр-р-р-мяу!

Я перевернулся на другой бок, натаскивая одеяло на голову.

– МЯ-Я-ЯУ-У-У! – прозвучало то ли над ухом, то ли в моём мозгу.

– Да я тебе...

Тонкие, как иголки, когти впились в одеяло. Я вздрогнул, раскрывая глаза. Черныш сидел у меня на груди, придавив меня всеми своими пятью килограммами.

Щурюсь. В комнате полумрак, но через занавеси уже проникает золотистый утренний рассвет, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. Красиво. Бревенчатые стены, дедушкино фото в потрескавшейся рамке взирает на меня с прищуром, рядом на заржавелом гвозде – шнурки от зарядок для гаджетов. Поворачиваю голову – в углу массивный бабушкин сундук, а мой ноутбук мигает индикатором полной зарядки на старинном комодe.

Поднимаюсь с кровати. Кот ловко соскакивает с меня, в два счета растворяясь во тьме.

Ногам холодно, припоминается московская квартира с тёплыми полами. Но это уже в прошедшей жизни.

– Иду-иду, – бормочу я, нащупывая тапочки.

Черныш сидит у двери. Поворачивается и глядит на меня... Его мысли разгадать несложно: «Мне долго ждать?!»

– Подожди, ты, хоть чай поставлю кипятиться.

В ответ слышу краткое требовательное «мяу», означающее: «Живее, двуногий!». Этот диалог уже превратился в каждодневный утренний ритуал, поэтому я точно знаю, что означает то или иное «мяу».

Шагаю на кухню, под ногами поскрипывают половицы; вероятно, я уже могу отличить звучание одной от второй. Подхожу к старинному буфету со стеклянными дверцами и такой же древней посудой внутри. На нижней полке – запасы бабулиных трав для заварки.

Черныш вертится под ногами.

– Подождёшь? – спрашиваю его, зная ответ наперёд.

Вытаскиваю из буфета коробку с жестяными банками. Открываю, и по кухне разносится яркий аромат. Этот напиток лучше готовить и потягивать, не торопясь, например, из самовара. Он рядом на соседней полке стоит, медный, как и полагается. Может, вечерком таким образом и поступлю, сейчас не до этого.

Налил воды в чайник, поставил нагреваться. Придвинул к себе коробку с травами; там же – синяя тетрадка с бабушкиными рецептами и мерная ложечка. Серебряная, почер-

невшая от времени. Набираю из одной банки, из второй... Мята, чабрец... и ещё несколько трав – всё по бабушкиной рецептуре для утренней свежести. Закидываю в заварочный глиняный чайник; носик у него немножко треснутый, но для настоя это не преграда.

Котяра уже заскочил на стол и следит за моими манипуляциями, махая хвостом. Принимаивается, вытягивая моську...

– Не пьёшь ты чай, – говорю ему, убирая коробку.

Чайник на плите тихонько закипает. Невольно всплывают воспоминания о детстве, летних каникулах в деревне, когда мир выглядел одновременно проще и сказочнее. И бабушкин голос, словно она рядышком: «Всякая травинка – живая, у каждой свой нрав», – и её маленькие, худощавые ручки направляют мои, указывая, каким образом перетирать листья между пальцами.

Черныш обрывает воспоминание, напористо толкая меня лапкой. Соскакивает на пол и несётся к входной двери.

– Да иду я, иду, – вздыхаю, наливаю кипяток в заварочный чайник. Укрываю полотенцем с вышивкой.

– «Чтобы дух не улетучился», – говорила бабуля.

Подхожу к двери. Распахиваю. В дом вторгается утро – прохладное, мокрое и туманное. За порогом сад растворяется в молочном мареве. Яблони превратились в размытые силуэты, кусты смородины едва угадываются тёмными пятнами, а грядки с травами и вовсе скрылись под бледной пеленой. Там, где должен находиться дальний забор, мгла гу-

стеет особенно сильно, будто пряча грань между будничным и магическим.

Кот застыл на пороге принохиваясь. Усы подрагивают, улавливая малейшие движения воздуха. Что-то чует, не осмеливаясь сделать первый шаг. Нет, показалось. Грациозный прыжок – и его мохнатое величество растворяется в дымке, только чёрный хвост, как восклицательный знак, промелькнув, теряется вдали.

Застываю на пороге. Прохлада пробегает по спине, но не только от влажности. В воздухе – запах мокрой травы, земли и что-то ещё... неуловимое. Бабушкины слова выплывают в памяти: «Это дыхание между мирами, Серёжа». Она всё время так говорила, взирая в туман своими выцветшими глазами: «Когда туман стелится, границы истончаются. Гляди внимательнее».

Из глубины двора долетает резкий птичий крик – пронзительный, словно о чём-то предупреждающий. Поёживаюсь и отхожу за порог. Притворяю дверь, оставляя щель для кота.

В комнате приятный запах – чай уже настоялся. Наполняю кружку густым, почти что чёрным напитком. Делаю первый глоток. Тепло разливается по телу.

Впереди новый день.

С первым глотком травяного чая тревожное напряжение отступает. Пейзаж за окном так и просится в кадр... Такой шанс нельзя упускать. Отставляю недопитую кружку и направляюсь в коридор, где на полке дожидается мой старый

Сапог – университетское приобретение, тяжёлый и верный спутник. Пальцы автоматически проверяют настройки, пока я протираю объектив мягкой тканью. Нащупываю ногами дедовы резиновые сапоги. Великоваты, но с шерстяными носками – самое то.

Дверь, немного скрипнув, открывается, шаг – и воздух обволакивает моё тело, словно укутывая во влажное одеяло. Ступаю мягко, прислушиваясь. Мир звучит иначе, звуки более глухие: капли срываются с яблоневых веток с тяжелым «плюх», трава шуршит под ногами, а где-то за невидимым забором надрывно кричит соседский петух. Поднимаю камеру, делаю первый снимок – на экране лишь белёсая пустота с размытыми силуэтами деревьев. Не то.

Присаживаюсь на корточки. Так лучше. Мир меняется, когда смотришь на него снизу. Замечаю паутину между стеблями укропа – совершенное произведение искусства, усыпанное капельками росы. Каждая – миниатюрная линза, в которой отражается мир. Навожу фокус. Щелчок затвора. Кадр на дисплее... неплохо, но можно и лучше. Меняю угол, подбираюсь ближе. Снова щелчок. Теперь солнце пробивается сквозь молочную пелену именно так, как нужно, превращая капли в крошечные светила.

– Готово, – шепчу я в пустоту.

Поднимаюсь, вытирая влажные колени. Продвигаюсь глубже в сад. Передо мной возникает яблоня – старая, скрученная временем и ветрами. Сажал её прадед, она войну пе-

режила, советскую власть, перестройку. Узловатые ветви тянутся к небу, как руки старика, просящего о чём-то. Делаю несколько снимков, меняя ракурс. На одном из них случайно захватываю паука, спускающегося по невидимой нити прямо в центр кадра. Идеально.

Внезапно замечаю движение. Черныш. Он крадётся между грядками с лекарственными травами, хвост подрагивает, усы направлены вперёд. Охотится. Навожу на него камеру, выжидаю. Он замирает, принохивается. Щелчок. На дисплее кот, как дух леса – чёрный силуэт с горящими глазами на фоне расплывающегося пейзажа, напоминающего полупрозрачную вуаль.

Затвор щёлкает снова и снова. Вот ржавое ведро, до краёв наполненное утренней влагой. Вот лезвия садовых ножниц, выглядывающие из зарослей шалфея, будто подглядывают за мной. А вот и скамейка – потемневшая от дождей и солнца, где бабушка Агафья любила сидеть, глядя на закат. В каждом кадре – не только предмет, а отголосок чьей-то жизни.

Объектив начинает запотевать. Достая салфетку, осторожно протираю стекло. В голове эхом звучит бабушкин голос: «Когда земля просыпается в тумане, Серёженька, она нам показывает то, что обычно прячет. Смотри внимательно».

Чувствую, как пальцы немеют от холода. Пора возвращаться. Сделав последний снимок, направляюсь к крыльцу. Черныш уже там, ждёт. Как всегда, опередил меня.

– Что, нагулялся? – спрашиваю его.

В ответ он только моргает и шустро проскальзывает внутрь. Переступаю порог. Дом встречает меня теплом и сухостью. Скидываю сапоги у двери, вешаю отсыревшую куртку на крючок. Ноги сами несут к окну, где стоит мой верный товарищ – дубовый стол. Его поверхность, почерневшая от десятилетий, хранит целую галерею отметин: тут бабушка резала травы, здесь я в детстве царапал циркулем, а вот эти чернильные пятна наверняка ещё от дедушкиной перьевой ручки.

Сажусь, открываю ноутбук. Его серебристый корпус выглядит чужеродным пришельцем из космоса на тёмной древесине стола. Подсоединив камеру к ноутбуку, начинаю перебирать утренний улов. Глаза скользят по кадрам – одни отправляются в корзину по щелчку мыши, другие отмечаю звёздочкой для будущей работы. Паутина в росе заставляет меня улыбнуться – каждая капля как маленькая вселенная, идеально. А вот Черныш, крадущийся между травами, – хо-рош, но требует небольшой доработки, слишком тёмные тени съели детали его шерсти.

Делаю глоток чая из кружки, забытой на столе. Уже холодный, но всё равно вкусный.

Запускаю Word. Пальцы висят над клавиатурой на мгновение, а потом начинают быстро набирать:

«Туман в Ромашково – не городская серая пелена, заби-вающая лёгкие химией, а дыхание самой земли. В этой глу-

ши часы словно идут по другому закону...» Слова приходят легко. О контрасте между моей прошлой городской жизнью и нынешним существованием в бабушкином доме. О том, как после её смерти я решил всё бросить – перспективную карьеру фотографа в глянцевом журнале, квартиру в центре Москвы, отношения, которые всё равно трещали по швам. Бросить и переехать сюда, в тишину и покой.

Идея завести блог с некликабельным заголовком «Из Российской глубинки» – это возможность разобраться в собственных мыслях. Всё закрутилось само собой. Быстро начали расти подписчики, сейчас уже около пятидесяти тысяч. Похоже, мой деревенский быт, описываемый городским жителем, находит отклик в сердцах таких же, как и я, – уставших горожан, мечтающих о побеге из своей техноклетки. Смотрят снимки, пишут комментарии. Иногда кажется, что читатели знают о моей жизни больше, чем я сам.

Фото паутины с каплями росы отправляется в блог первым. Пальцы летают по клавиатуре: «Помните, когда вы в последний раз рассматривали паутину? В городе я бы просто смахнул её тряпкой. Здесь же замираю, разглядывая геометрическую точность нитей, хрустальные шарики росы, игру света в каждой капле. В Москве я пролетал мимо тысячи подобных чудес, уткнувшись в телефон. В Ромашково время замедляется, и я наконец-то вижу мир таким, какой он есть».

Черныш запрыгивает на стол, проходится по клавиатуре, оставляя след из случайных букв. Убираю его хвост от экра-

на.

– Критик нашёлся, – говорю ему, но не сержусь. Без него бы тут меня точно тоска заела.

Он устраивается рядом с ноутбуком, сворачивается клубком и начинает мурчать. Присутствие кота успокаивает. Продолжаю писать, время от времени поглядывая в окно, где погода постепенно проясняется, обнажая привычный вид сада.

Заметка почти готова. Перечитываю, исправляю опечатки, добавляю теги. Нажимаю «Опубликовать». Где-то в интернет-пространстве появляется ещё один кусочек моей жизни, доступный незнакомцам. Странное чувство.

Черныш потягивается, спрыгивает со стола. Смотрит на меня выжидающе.

– Что, обед уже? – спрашиваю я, глядя на часы.

Действительно, почти полдень. Время летит незаметно, когда погружаешься в работу. Закрываю ноутбук, потягиваюсь. Фотографии могут подождать, сейчас нужно накормить кота и, пожалуй, себя тоже.

После обеда вспоминаю про обещанную статью для краеведческого журнала о традициях Нижнетравинска. К тексту понадобятся старые фотографии. Тянусь к нижнему ящику стола – самому глубокому. Пальцы нащупывают знакомую шероховатость деревянной шкатулки. Вот она. Бабушкина. С семейными снимками. Поднимаю крышку, и меня обволакивает особый аромат – сухой, с едва уловимой сладостью.

Запах прошлого. Запах памяти.

Вот они. Пальцы скользят по шершавым краям, разъединяя слипшиеся временем карточки. Первой попадаетея чёрно-белая фотография: молодая женщина у бревенчатой стены. Платок повязан по-особенному, узлом на затылке. Стоит прямо, будто струна. Глаза смотрят не в объектив, а сквозь него, словно видят что-то за спиной фотографа. В руках пучок каких-то стеблей с соцветиями. Переворачиваю снимок. На обратной стороне полустёртая надпись: «Лето 19** г. Первый сбор после грозы». Цифры года размыты до нечитаемости.

Следующая фотография цветная, но блёклая, с розоватым оттенком, характерным для плёнки восьмидесятых. Маленький мальчик – это я, лет пяти – сидит на крыльце того же дома. Рядом бабушка, уже заметно постаревшая, но всё с тем же прямым взглядом. Она показывает мне какой-то цветок, а я смотрю на него широко раскрытыми глазами.

Опускаю веки, и воспоминание накрывает меня волной.

...

– Серёжа, взгляни, вот этот цветочек называется зверобой. Видишь, какой он солнечный? И лечит всё, что связано с солнцем – настроение поднимает, от грусти помогает.

Мне пять лет. Мы с бабушкой Агафьей на опушке леса за домом. Летнее утро, воздух ещё свежий, но уже чувствуется, что день будет жарким. В руках у бабушки плетёная корзинка, наполовину заполненная травами. Она наклоняется к яр-

ко-жёлтому цветку, осторожно срезает его маленькими ножницами.

– Ты попробуй листочек помять между пальцами, – говорит она, протягивая мне растение.

Беру стебелёк, растираю, как показывает бабушка. На коже остаётся красноватый след, и появляется странный запах – терпкий, чуть горьковатый.

– Это его кровь, да? – спрашиваю я с детским ужасом и восторгом.

Бабушка смеётся – негромко, мягко.

– Нет, не кровь, внучок, а сок. Но ты прав, в чём-то это и правда кровь растения. Потому и собирать травы нужно с уважением и благодарностью. Никогда не рви просто так.

Она показывает, как правильно срезать растения – не под корень, оставляя возможность восстановиться. Как определять, какие цветы готовы к сбору, а какие ещё нет. Как благодарить каждое растение – не словами, а чувством.

– Травы всё понимают, – говорит она серьёзно. – Они древнее нас. Помнят то, что люди давно забыли.

...

Переглядываю фотографии. Вот ещё одна – я, постарше, сижу с бабушкой за столом. Перед нами разложены разные травы, и она что-то мне показывает. Моё лицо сосредоточено, я будто боюсь упустить важную информацию.

...

– Видишь, у мяты листики зубчатые, а запах – свежий,

прохладный. Она помогает от головной боли, от тяжести в животе. А вот чабрец – маленький, скромный, но силы в нём много. От кашля хорошо помогает.

Мне семь. Мы на кухне дома. На столе – россыпь трав, собранных утром. Бабушка учит меня различать их по внешнему виду, по запаху, вкусу. Я стараюсь запомнить всё, но названия путаются в голове.

– Не пытайся учить умом, – говорит бабушка, словно читая мои мысли. – Чувствуй руками, носом, языком. Тело помнит лучше головы.

Она даёт мне понюхать каждую травинку, потрогать, проверить на вкус. Иногда горьковато, и я морщусь, но бабуля хвалит:

– Молодец, что пробуешь. Горькое лечит лучше сладкого, это запомни.

...

Ещё фотография: бабушка стоит у печи, помешивает что-то в глиняном горшке. Я рядом, подаю ей какие-то травы из корзинки. На её лице – очень серьёзное выражение.

...

Кухня наполнена паром и ароматами. В большом глиняном горшке бабушка варит отвар – от простуды для соседки тёти Клавы. Я помогаю, подавая по очереди ингредиенты:

– Шалфей для горла, ромашка от жара, липовый цвет для пота, – бормочу я, повторяя за бабушкой.

Она улыбается, но не останавливает меня – знает, что так

лучше запоминается.

– А теперь, – шепчет она, наклонившись так близко, что я чувствую запах мяты от её волос, – самое важное.

Её морщинистые пальцы извлекают из тёмного шкафчика крохотный флакон из синего стекла. Она откупоривает его, и воздух наполняется странным ароматом – свежим, как утро, и древним, как сама земля. Три прозрачные капли падают в отвар. Там, где они касаются жидкости, вспыхивают крошечные золотистые искры, а потом всё снова становится обычным. Я тру глаза кулаками.

– Бабушка, а правда, что...

– Правда, – отвечает она, не дав закончить вопрос. – Но об этом только между нами. Помнишь, что было с тётей Марфой, когда она много болтала?

Я киваю, сжав губы. Тётя Марфа провела почти год в психиатрической лечебнице в районном центре. Её увезли на следующий день после того, как она, размахивая руками, кричала на собрании в сельсовете про «колдовство старой Агафьи» и «нечистую силу в травяных отварах».

Бабушка не отрывает взгляда от котелка, деревянная ложка в её руке двигается по кругу, как стрелка часов. Её голос становится тише, глубже:

– Знаешь, Серёженька, когда человек чего-то не понимает, он начинает этого бояться. А испуганный человек – что медведь с занозой: опасен и непредсказуем. Вот почему о том, что мы с тобой знаем, говорить можно только с теми,

кто готов не одними ушами слушать, но и сердцем верить.

...

Бабушка усаживается на краешек моей кровати. Половицы скрипят под её весом. Она понижает голос до шёпота:

– Знаешь, почему наш дом всегда тёплый, даже в самые лютые морозы?

Я мотаю головой, натягивая одеяло до подбородка.

– Потому что в нём живёт хранитель, – её глаза поблёскивают в полутьме. – Он прячет носки за шкафом и скрипит половицами по ночам.

– А мы можем с ним познакомиться? – я приподнимаюсь на локтях.

Бабушка качает головой:

– Нельзя его беспокоить. Но можно оставлять угощение в полнолуние. И помни – никогда не свисти в доме.

Я смотрю на тени в углу комнаты. Мне восемь, и я верю каждому её слову.

– А в лесу тоже есть хранители?

Бабушка замирает. Её глаза устремляются к тёмной кромке деревьев за окном, и что-то древнее мелькает в морщинах вокруг глаз.

– Лес – не дом, Серёженька. Там свои законы. Одни существа помогут заблудившемуся, другие заведут в чащу, откуда не выбраться.

– Как же туда ходить?

– С подношением, – она кладёт узловатую ладонь мне на

плечо. – Краюшка хлеба, щепотка соли. И сердце без камня. Никогда не переступай через валежник со злобой внутри – лес отражает то, что приносишь.

...

Откладываю фотографии в сторону. Сквозь пелену лет вижу очередь у калитки – женщина с закутанным в шаль ребёнком, сгорбленный старик с палкой, молодая девушка с опущенными глазами. «Агафьюшка-травница, помоги», – шепчут губы, а руки протягивают, кто мёд, кто яйца, кто отрез ситца. Бабушка принимает всех. Её пальцы перебирают сухие стебли, растирают листья, капают настои в пузырьки. Иногда просто садится рядом, берёт за руку, смотрит в глаза – и человек уходит просветлевший.

Помню шёпот за спиной: «Ведьма она». И тут же: «Только ты ей этого не говори, обидится ещё». Председатель колхоза Степан Ильич на собраниях громче всех кричал про «мракобесие и знахарство», а сам, когда дочка его синела от непонятной хвори, ночью, пригибаясь, огородами пробирался к нашему дому. Через неделю девочка бегала по деревне румяная, будто и не болела.

Сравниваю эту жизнь со своей прошлой – в Москве, среди бетона и стекла, в постоянном шуме и суете. Вспоминаю квартиру на двадцатом этаже, где из окна виды только на другие окна. Работу в журнале, где каждый день – гонка за дедлайнами и борьба с конкурентами. Отношения, которые разрушились под тяжестью карьерных амбиций.

Два года назад, когда бабушка умерла, я приехал на похороны и просто не смог вернуться обратно. Сидел на этом самом крыльце неделю, другую. Родители звонили, требовали вернуться, говорили о «разбазаривании таланта» и «карьерном самоубийстве». Но я чувствовал, как с каждым днём что-то внутри меня успокаивается, выравнивается, как дыхание после долгого бега.

Впрочем, кому я вру? Какие перспективы в журнале, где каждое утро начиналось с гадания – закроют нас сегодня или завтра? Хозяин исчез, словно крыса с тонущего корабля, оставив на стене выцветший лозунг советских времён «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». А эта «моя квартира» с ежемесячными платежами банку, которые съедали почти всю зарплату? Теперь кажется, будто все дороги вели меня к этому дому, словно невидимая рука расставляла указатели.

Уволился, перевёз сюда необходимый минимум вещей. Стал вести блог – сначала как терапию, потом как способ заработка. Погрузился в изучение исчезающих сельских традиций, в красоту природы, в ритм жизни, отличный от городского.

Первый год был трудным. Одиночество, непривычный быт, недоверие местных. Но постепенно всё встало на свои места. Черныш, оставшийся после бабушки, стал верным компаньоном. Дом, поначалу казавшийся чужим и холодным, принял меня, согрелся.

Закрываю коробку с фотографиями, встаю из-за стола. Подхожу к окну, смотрю на сад. Там, среди яблонь и грядок с лекарственными травами, которые я сохранил и поддерживаю, всё ещё витает дух бабушки Агафьи. Иногда мне кажется, что я вижу её силуэт краем глаза – маленькую фигурку в цветастом платке, склонившуюся над растениями.

Черныш запрыгивает на подоконник, трётся о мою руку. Его зелёные глаза смотрят то на меня, то в сад – будто он тоже что-то видит там.

– И ты её чувствуешь, да? – спрашиваю я тихо.

Кот мурлычет в ответ – это можно считать согласием.

Несмотря на отсутствие активного общения с местными жителями, на определённую изолированность, я чувствую, что мне здесь хорошо. Вернусь ли я обратно в мегаполис – не знаю. Иногда тянет, я ведь городской житель. Но пока так, пусть всё идёт как идёт. Сейчас в бабушкином доме, среди её вещей, её растений, её воспоминаний – мне уютно и хорошо. Настоящий дом – не просто крыша над головой, а место, где ты становишься собой.

Смотрю на садовые инструменты у крыльца. Пожалуй, пора заняться грядками. Бабушка всегда говорила, что руки должны быть в земле, тогда и душа на месте будет. А если душа на месте – то это самое главное.

Статья подождёт, фотографии никуда не денутся. Сейчас зов сильнее – тот самый зов, который слышала Агафья. Я должен сбереечь не просто сушёные травы в банках или за-

писи рецептов в старой тетради, а нечто большее – саму суть этого «перекрёстка между мирами».

Черныш мягко соскальзывает с подоконника, когда я поднимаюсь. Скрип половицы, щелчок замка – и вот я уже на пороге. Сад раскинулся передо мной, терпеливый и древний, принимающий меня так же, как принимал когда-то бабушку, её мать, и всех хранителей этой земли до них.

Глава 2. Грань между мирами

Хм. Вокруг что-то не так. Не могу понять, что именно... Но ощущение неправильности меня не покидает. Что-то такое, чего быть не должно... Останавливаюсь, оглядываюсь. И вдруг понимаю – цветут бабушкины травы. Посреди осени, когда им полагается спокойно спать под опавшими листьями. Зверобой раскрыл жёлтые звёздочки, шалфей выбросил сиреневые стрелки, а валериана колышет розовыми облачками соцветий.

– Что за чёрт? – выдыхаю я, приседая перед грядкой.

Дотрагиваюсь до цветка зверобоя. Вроде настоящий. Лепестки упругие, живые. Перебираю в голове варианты объяснений – может, какой-то странный сорт? Нет, бабушка выращивала самые обычные растения, никаких гибридов. Глобальное потепление? Необычно тёплая осень? Но вчера ночью почти 0 был. Нет, чушь это всё.

Иду дальше и замираю у розмариновой грядки. Растение покрыто каплями росы, но не обычными, а будто светящимися изнутри. Даже в тени яблони, куда не попадает утреннее солнце, капельки мерцают голубоватым светом. Осторожно касаюсь одной – влажная и прохладная, как обычная роса, но когда убираю палец, на подушечке остаётся лёгкое свечение, которое медленно тает.

– Бабуля, что у тебя здесь происходит? – шепчу я.

Срочно нужно это сфоткать. Возвращаюсь в дом почти бегом, хватаю Canon и спешу обратно, боясь, что странное явление исчезнет. Но нет – цветочный карнавал продолжается, а необычная роса всё так же мерцает в тени.

Делаю серию снимков – общие планы цветущих грядок, крупные детали отдельных цветков, макросъёмку капель на листьях. Присаживаюсь на корточки, чтобы поймать наилучший ракурс. Через объектив замечаю ещё одну странность – между стеблями мяты, где земля немного разрыхлена, виднеются крошечные следы. Не похожи ни на птичьи, ни на мышьиные. Пять маленьких пальчиков – будто миниатюрная человеческая ладошка.

– Дети, что ли, забегали? – но сам знаю, что нет. Ближайшие соседи – пожилая пара, а до деревенской школы добрых два километра.

Фотографирую и эти следы, хотя не уверен, что на снимке они будут видны так же чётко, как живьём. Проверяю отснятый материал на дисплее – изображения получились, но мерцание росы камера не передала, только обычные капельки влаги.

Задумчиво иду к дому, то и дело оборачиваясь на причудливый сад. На крыльце меня встречает Черныш, требовательно мяукая.

– Тоже заметил странности? – спрашиваю его. – Или просто есть хочешь?

Кот просачивается в дверь впереди меня. Иду на кух-

ню, открываю холодильник, достаю упаковку корма. Черныш вертится под ногами, выписывая восьмёрки.

– Да погоди ты, не мешай.

Насыпаю кошачью еду в миску, ставлю на пол. Кот принюхивается, но не ест – поднимает голову, смотрит на меня, будто спрашивает: «Ты разве не видишь, что происходит?»

Ставлю чайник, достаю из буфета коробку с травами. Перебираю банки с бабушкиными сборами, сейчас подошёл бы идеально «От галлюцинаций», но не припомню такого. Взгляд задерживается на банке с этикеткой «Для ясности ума» – тоже как вариант. Открываю, вдыхаю аромат – мелисса, пустырник, немного мяты, что-то ещё, не могу распознать. По рецепту из синей тетрадки отмеряю нужное количество, засыпаю в заварочный чайник, заливаю кипятком.

На столе раскладываю рабочие материалы для статьи о легендах Нижнетравинска. Стопка книг по здешнему фольклору, одолженная в районной библиотеке. Мой блокнот с заметками из разговоров с местными старожилами. Распечатки статей из областного архива. Да, это вам не «Окей, Google» сказать и всю инфу на блюдечке... Нет этой информации не в Гугле, не в Яндексe, таких местечек по всей России слишком много, а интереса к ним ничтожно мало.

Открываю ноутбук, создаю новый документ, набираю заголовок: «Легенды Нижнетравинска: между былью и вымыслом». Под рукой чашка ароматного чая. Делаю глоток – горьковатый, но приятный вкус.

Пальцы замирают над клавиатурой. С чего начать? С распространённых историй о лесном духе, который водит грибников по кругу? Или с рассказов о русалке, заманивающей рыбаков в омуты? А может, с легенды о знахарях, которые разговаривали с травами и варили зелья от всех болезней...

Черныш доедает корм и запрыгивает на стол. Обычно я его гоню – а то своим хвостом все бумаги мне раскидает. Но сейчас он ведёт себя странно – садится на край стола и смотрит. Не на меня, а куда-то за моё плечо, в угол комнаты.

Оглядываюсь – никого. Пустой угол, старое кресло-качалка, бабушкины половички на полу.

– Мышь?! – спрашиваю без особой надежды на ответ.

Черныш не реагирует. Он полностью сосредоточен на чём-то невидимом в углу. Его зрачки расширены, уши подёргиваются, словно прислушивается к тихому разговору.

– Эй, кот, – щёлкаю пальцами перед его мордой.

Черный пушистик моргает, но сразу же возвращается к своему странному наблюдению.

Снова смотрю в угол. Не чего не обычного. Разве что... может воздух там как-то плотнее, или это просто игра света от окна? Всё же отварчик «От галлюцинаций» был бы нелишним.

Встаю, делаю несколько шагов к углу. Черныш следит за мной, не поворачивая головы, только глазами. Подхожу к креслу-качалке, провожу рукой по спинке, потом по воздуху рядом. Ничего. Пустота.

Но когда возвращаюсь к столу, на мгновение ловлю боковым зрением какое-то движение. Резко оборачиваюсь – опять ничего. Только Черныш теперь смотрит на меня с выражением, которое у человека можно было бы назвать снисходительным.

– Нервы шалят, – говорю сам себе. – Нароботался на свежем воздухе.

Возвращаюсь к ноутбуку, но писать не получается. В голове крутятся мысли о цветущем не по сезону саде, о странной росе, о пристальном взгляде кота в пустой угол. Непроизвольно вспоминаются бабушкины сказки о маленьком народец, который живёт рядом с людьми, но обычно невидим.

«Сказки», – убеждаю себя. Просто сказки, которыми добрая старушка развлекала городского внука во время летних каникул. Должно быть рациональное объяснение. Может, в почве что-то не то? Надо будет завтра повнимательнее всё в саду осмотреть.

Но взгляд снова и снова возвращается к пустому углу, где по-прежнему сидит Черныш, не сводя глаз с невидимого собеседника.

***

Не могу сосредоточиться на статье. Мысли всё возвращаются к странностям в саду. Вертится на краю памяти смутное воспоминание о разговоре с бабушкой. Она чём-то рассказывала... что-то о записях, которые вела. «Знаешь, Серёженька, я всё записываю. Чтобы ничего не забыть. Чтобы ты

потом прочитал, когда поймёшь». Я тогда не придал значения её словам. А сейчас... Где она могла хранить эти записи?

Встаю из-за стола. Черныш отрывает взгляд от угла и смотрит на меня, вопросительно наклонив голову.

– Пойду проверю кое-что, – говорю ему.

Выхожу в коридор и останавливаюсь перед дверью в бабушкину комнату. Я редко туда заглядываю. После её смерти так и не решился ничего там менять, только пыль вытираю. Толкаю дверь – она открывается с тихим скрипом.

Солнечный свет проникает через кружевные занавески, рисуя узорчатые тени на выцветших обоях. Старая кровать застелена лоскутным одеялом – бабушка сама его сшила, я помню, как она подбирала кусочки ткани, рассказывая историю каждого: «Этот – от платья, в котором я твоего дедушку встретила. А этот – от твоей первой рубашечки...»

У стены стоит комод с фотографиями в деревянных рамках. Бабушка в молодости – строгая, красивая, с прямым взглядом. Дед в военной форме. Мои родители в день свадьбы. Я сам – годовалый карапуз с пухлыми щеками.

Но я пришёл не за этим. Взгляд падает на нужный предмет – массивный сундук в углу комнаты. Тёмное дерево, потемневшие от времени металлические уголки. Бабушка называла его «укладкой». «В моей укладке всё самое нужное, – говорила она. – И самое тайное».

Подхожу к сундуку. Провожу рукой по шершавой поверхности. Пыли почти нет – я протираю её каждую неделю, но

не открывал ни разу с тех пор, как бабушка умерла. Что-то останавливало. Может, страх что-то нарушить? Или опасение столкнуться с чем-то, чего не пойму?

Но сегодня я должен проверить. Берусь за ручку и поднимаю – петли протестующе скрипят, будто сундук не хочет раскрывать свои секреты. Знакомый запах – сухих трав, старой бумаги, что-то ещё, и... запах времени, наверно.

В нос ударяет аромат лаванды и чего-то сладковатого – может, старого мёда? Сверху лежат вышитые полотенца, аккуратно сложенные стопкой. Вынимаю их – они на удивление чистые, словно их только вчера постирали и отгладили. Под ними – несколько шкатулок разного размера. Открываю одну – внутри пуговицы, десятки всех форм и цветов, от крошечных перламутровых до больших деревянных. Бабушка всегда их собирала.

В другой шкатулке – засушенные цветы, каждый завернут в тонкую бумагу с надписью. «Первый подснежник, весна 1978». «Сирень у калитки, день рождения Серёжи, 1999». «Последние астры, посаженные Иваном, 1981».

Иван – это дед. Он умер задолго до моего появления на свет. Бабушка хранила цветы, как другие хранят фотографии – свидетельства важных моментов жизни.

Под шкатулками обнаруживаю стопку старых писем, перевязанных выцветшей лентой. Не решаюсь их трогать – это слишком личное. Рядом с ними – пожелтевшие газетные вырезки, какие-то справки, медали в коробочках.

И вот, наконец, на самом дне, под всеми этими слоями прошлого – потрёпанный кожаный дневник. Он не выглядит особенно старым, но обложка местами потрескалась, а металлическая застёжка потускнела. Достаю его, ощущая странную смесь трепета и любопытства.

Усаживаюсь прямо на пол, прислонившись спиной к кровати. Расстёгиваю застёжку, открываю дневник. Страницы пожелтели, чернила местами выцвели до бледно-голубого, но бабушкин почерк остался таким, каким я его помнил – чётким, разборчивым, с красивыми завитушками на заглавных буквах.

Смотрю на запись, датированную мартом 1982 года. «Сегодня впервые увидела их ясно. Всегда чувствовала их присутствие, но думала, что это игра света или усталость глаз. Но сегодня, когда готовила отвар для Клавдии, они вышли из-за печки и смотрели, как я работаю. Маленькие, не больше котёнка, но очень подвижные. Двое – лохматые, с яркими глазами, как у светлячков, третий – гладкий, словно стеклянный. Не испугалась их, почему-то знала, что они не причинят вреда. Фырмырики и лесные Бурмаляки, так их называла ещё моя бабка».

Листаю дальше, выхватывая фрагменты записей. «Фырмырики помогли найти пропавшую серёжку... тот, что с бородой показал, где у Семёновых колодец копать... Когда ходила в лес за можжевельником, Бурмаляк направил на полянку с боровиками – насушила на всю зиму...»

Переворачиваю страницу – запись, датированная летом 1989 года.

«Наш дом стоит на перекрёстке миров – теперь я в этом уверена. Дед Макар неспроста выбрал это место для постройки. Он знал то, что видим мы с бабкой. Тонкая грань между нашим миром и их проходит прямо через мой сад. В полнолуние, если смотреть из окна чердака, можно увидеть, как мерцает воздух над малинником. Там граница истончается, почти исчезает. Иногда думаю – а что, если перешагнуть?»

На следующих страницах бабушка подробно описывает своих «друзей» – Фырмыриков и Бурмаляков. Первые – хранители дома и сада, вторые – лесные жители, появляющиеся только по особым случаям. Она пишет об их привычках, о том, какие подношения они любят (мёд, молоко, крошки свежего хлеба), и даже зарисовывает их – маленькие существа с большими головами и тонкими конечностями.

«Место силы, – пишет она в одной из последних записей. – Дом стоит на месте силы. Здесь сходятся потоки энергии земли. Потому и травы тут растут особые, и вода в колодце целебная. Хорошо, что Серёжа это чувствует. Мальчик видит больше, чем сам понимает. Когда придёт время, он заметит их и примет своё наследство».

Закрываю дневник. Ну и фантазия у бабули была! Сказки, конечно. Старушка увлекалась народными поверьями, это понятно. Наверное, одиночество и возраст сделали эти сказ-

ки для неё реальнее.

Но всё же... Цветущие не по сезону травы, странная роса, маленькие следы на рыхлой земле...

– Совпадения, – говорю вслух, пытаюсь убедить самого себя.

Кладу дневник рядом, не спеша убирать его обратно в сундук. Что-то в этих записях цепляет меня, не отпускает. Мысленно возвращаюсь к детству, к бабушкиным сказкам о маленьком народе. Помню, как заворожённо слушал истории про существ, которые охраняют дом, следят за садом, помогают тем, кто к ним добр, и шкуют тем, кто не уважает природу.

– Детские сказки, – повторяю я, но уже менее уверенно.

***

Вечер наступает незаметно. За окном сгущаются сумерки, а я всё сижу над бабушкиным дневником, перечитывая отдельные страницы. Не могу просто так отмахнуться от её записей, хотя разум твердит, что это лишь фантазии одинокой старушки. Удивительный денек, столько всего странного и совпадающего, прямо мистика какая-то. Отрываюсь от чтения, когда понимаю, что уже с трудом различаю буквы в темноте.

Встаю, щелкаю выключателем. Старая настольная лампа с зелёным абажуром заливает комнату мягким жёлтым светом. Выхожу на кухню, ставлю чайник. За окном уже совсем стемнело, только звёзды подмигивают с чёрного небосвода.

Возвращаюсь в гостиную с чашкой свежего чая и замираю на пороге. Черныш сидит в дальнем углу комнаты – том самом, куда он так странно смотрел утром. Но сейчас кот не просто туда глядит, а, кажется, разговаривает с кем-то. Мяукает негромко, потом прислушивается, словно ожидая ответа. Снова мяукает, наклоняет голову, как будто что-то слушает.

Я стою неподвижно, боясь спугнуть это странное взаимодействие. Кот продолжает свой беззвучный диалог, иногда моргая, иногда шевеля усами, словно улавливая едва заметные движения воздуха.

– Черныш? – наконец негромко зову я. – Ты с кем там шепчешься?

Кот поворачивает голову, смотрит на меня – и в его глазах что-то такое... непривычное. Будто я прервал важную беседу, и он недоволен моей бестактностью. Но через мгновение выражение исчезает, и передо мной снова привычный Черныш.

Ставлю чашку на столик и медленно подхожу к углу. Ничего необычного – старые обои, пыльный плинтус, крошечный паучок, деловито плетущий паутину между стеной и полом.

Черныш вдруг резко поворачивает голову к входной двери, прижимая уши, шерсть на загривке встаёт дыбом. Он издаёт странный звук – не мяуканье, не шипение, а что-то среднее – и одним прыжком достигает двери. Проскальзывает че-

рез щель, которую я днём оставляю для него, и исчезает в ночи.

Стою в растерянности. Что происходит? Что его так напугало или... привлекло? Колеблюсь мгновение, потом решаюсь – хватаю куртку, натягиваю резиновые сапоги и выхожу на крыльцо.

Густой и влажный воздух от вечерней росы, насыщенный запахами – это нечто божественное! Мокрая земля, яблоки, травы бабушкиного сада, каждая со своим ароматом. Звуки тоже другие – отчётливее, глубже и выразительнее. Шелест листвы кажется шёпотом, скрип ветки – предупреждением, далёкий лай собаки – сигналом тревоги.

Ночной сад превращает привычные предметы в загадочные силуэты. Яблони раскинули ветви, как руки ведьм из сказок. Куст смородины похож на притаившееся животное.

– Черныш! – зову я. – Кис-кис!

Тишина в ответ. Делаю несколько шагов вглубь сада. Луна выходит из-за облака, заливая серебристым светом дорожку между грядками. И вдруг замечаю – между деревьями мелькает странное голубоватое свечение. Не похоже ни на фонарик, ни на светлячка – мягкое, текучее, будто капля искрящейся воды, повисшая в воздухе.

Моргаю, не доверяя глазам. Но оно не исчезает – перемещается между стволами, то приближаясь, то удаляясь. Не думаю, что это Черныш – слишком высоко для кота, да и свет не похож на отблеск глаз.

Делаю ещё несколько шагов к яблоням. Свечение замирает, словно заметив меня. Мы изучаем друг друга – я и непонятное световое пятно среди веток. Потом оно медленно удаляется, уходя в глубину сада, к забору, за которым начинается лес.

– Черныш! – снова зову я, больше для того, чтобы нарушить тишину, чем в надежде на ответ.

Продвигаюсь дальше, почти физически ощущая, как сад меняется вокруг меня. Он словно просыпается, оживает под моими шагами. Травы шуршат громче, чем должны бы от лёгкого ветерка. Цветы поворачивают головки, следя за моим движением.

Свечение исчезает внезапно, словно кто-то задул свечку. Но там, где оно только что было, на влажной земле остаются следы – странные отпечатки, не похожие ни на кошачьи, ни на следы других знакомых мне животных. Присаживаюсь, чтобы рассмотреть их получше. Луна даёт достаточно света, и я вижу цепочку маленьких вмятин – пять округлых отпечатков, расположенных полукругом, как пальцы крошечной ладони. Слишком большие для мыши и совсем маленькие для кошки или белки. Вспоминаю зарисовки из бабушкиного дневника – существа с тонкими конечностями и пятью длинными пальцами.

Сердце начинает биться чаще. Неужели... Нет, что за глупости? Я взрослый человек, с высшим образованием и здоровым скептицизмом. Я не могу верить в сказочных су-

ществ. Просто совпадение, игра воображения, усталость...

Выпрямляюсь, оглядываюсь. Решаю возвращаться к дому – темнеет быстро, а у меня нет с собой фонарика. Делаю шаг, другой, и вдруг ощущаю на себе чей-то взгляд. Не пугающий, незлой – внимательный, изучающий. Кто-то наблюдает за мной из темноты, из-за деревьев, из-под кустов. Или ото- всюду сразу.

Останавливаюсь, прислушиваюсь. Ночь течет своим чередом – стрекочут сверчки, шуршат листья яблонь. И в этом шелесте вдруг отчётливо слышится шёпот, удивительно похожий на голос бабушки Агафьи:

– Серёжка, ты уже почти видишь...

Замираю, сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться как бешеное. Оглядываюсь, всматриваюсь в темноту. Никого. Только деревья, только тени, только лунный свет, играющий с листвой.

– Бабушка? – шепчу я в пустоту.

Ветер усиливается, проносится по саду, заставляя ветви яблонь раскачиваться и скрипеть. Но человеческого голоса больше нет.

– Показалось, – говорю я сам себе. – Это просто ветер в листьях.

Но внутренний голос, тот, который всегда говорит правду, шепчет: «Ты знаешь, что это не так».

Быстрым шагом возвращаюсь к дому, чувствуя, как мурашки бегут по коже. На крыльце, словно ничего не случи-

лось, сидит Черныш и деловито умывается. Поднимает голову, когда я подхожу, смотрит – и взгляд зеленых глаз полон скрытого знания. Будто ему открылось нечто, чего я не заметил, и теперь он слегка забавляется моим смятением.

– Ну и где ты был? – спрашиваю его, не ожидая ответа.

Кот мяукает – обычные кошачьи звуки, никаких странных диалогов с пустотой. Встаёт, потягивается, выгибая спину, и направляется к двери, всем своим видом показывая, что прогулка окончена и пора возвращаться в тепло дома.

Бросаю последний взгляд на сад. Он затих, замер, словно занавес опустился после представления. Но что-то внутри подсказывает – сегодняшняя ночь лишь приоткрыла этот занавес, за которым скрывается целый мир, полный тайн. Сад, залитый лунным светом, на мгновение напомнил мне волшебные пейзажи из фантастических фильмов. Вот только в отличие от кино, я здесь не зритель, я – участник этого странного спектакля, разворачивающегося прямо у меня под носом.

Глава 3. Исчезновение

Утро встретило меня тишиной. Где мой пушистый будильник?! Обычно Черныш уже топчется у кровати, требуя завтрак, или шуршит чем-то на кухне. Но сегодня – тишина. Сажусь, протираю глаза. После вчерашних странностей в саду сон был беспокойным, полным неясных шорохов и шёпотов, от которых я то и дело просыпался.

– Кс-кс, – зову, хотя знаю, что если Черныш не пришёл за едой сам, то на зов он точно не явится.

Натягиваю штаны, футболку и иду на кухню. Миска кота стоит нетронутой у плиты – там, где оставил вчера. Корм подсох, образовав неаппетитную корочку. Странно. За два года Черныш не пропустил ни одного завтрака. Даже когда дулся на меня за что-нибудь, всё равно приходил поесть, демонстративно отворачиваясь и делая вид, что меня не существует.

– Черныш? – зову громче, обходя кухню, заглядывая под стол.

Тишина в ответ. Только старые половицы поскрипывают под ногами. Странное ощущение пустоты разливается внутри дома – будто не только кот пропал, но и что-то ещё, неуловимое, но очень важное.

Проверяю все котовы убежища: шкаф в коридоре, где он любит спать на стопке старых пледов; корзину для белья в

ванной; под моей кроватью. Поднимаюсь на чердак – здесь летом прохладно, и кот иногда приходит поваляться на старом матрасе. Пусто.

– Да где же ты? – бормочу, спускаясь по скрипучей лестнице.

Заглядываю в кладовку, освещая тёмные углы фонариком телефона. Ничего, кроме паутины и садового инвентаря. Сердце начинает биться чаще. Это ненормально. Черныш – домашний кот, он не убегает надолго. Даже во время вчерашней ночной прогулки он быстро вернулся.

Та ночь... Вспоминаю странное голубоватое свечение между деревьями, маленькие следы на земле, шёпот, похожий на бабушкин голос. А потом Черныш, как ни в чём не бывало, сидящий на крыльце. Или не как ни в чём не бывало? В его мне .

Выхожу в сад, щурясь от яркого утреннего солнца. После вчерашнего тумана небо чистое, голубое, ни облачка.

– Черныш! Кис-кис-кис! – кричу, обходя грядки с травами.

Цветущий не по сезону звербой колышется на лёгком ветру, словно приветствуя меня. Останавливаюсь, разглядываю его жёлтые звёздочки. Вчерашняя странность никуда не делась – травы продолжают цвести, хотя на календаре глубокая осень.

Обхожу яблони, заглядываю под кусты смородины. Нигде ни следа чёрного кота. Волнение нарастает.

– Черныш! – мой голос эхом отдаётся от деревянных оград, от стен дома, от старого сарая.

Может, он за забором? Полез и застрял между досок? Обхожу участок по периметру. Забор крепкий, но для кота не преграда. Выхожу через калитку на улицу, оглядываюсь. Деревня просыпается: где-то мычит корова, кудахчут куры, скрипит колодезный ворот.

Иду по улице, заглядывая под каждый куст, в каждую канаву. Старушка в платке развешивает бельё во дворе.

– Доброе утро, бабуль! – окликаю её. – Чёрного кота не видели? Мой потерялся.

Старушка щурится, вглядываясь в меня подслеповатыми глазами.

– А, Агафьин внучок. Нет, не видала никакого кота. А ты у Михалыча спроси, он рано встаёт, по двору шастает.

Михалыч – дед с соседней улицы, молчаливый и хмурый. Но делать нечего, иду к нему. Стучу в ворота. Долго жду, уже собираюсь уходить, когда калитка открывается.

– Чего тебе? – седой старик с колючими глазами смотрит недружелюбно.

– Извините за беспокойство. Кота моего не видели? Чёрный такой, с белым пятнышком на груди.

– Не видал никаких котов, – буркает Михалыч и захлопывает калитку.

Вот и поговорили. Иду дальше. Расспрашиваю всех встречных – молодую мамашу с коляской, двух школьников,

спешащих на автобус, почтальона на велосипеде. Никто не видел чёрного кота.

Тревога превращается в настоящий страх. Два года после бабушкиной смерти Черныш был моим единственным компаньоном в этом доме. Моим собеседником, моей связью с прошлым, с бабушкой. Что я буду делать, если он не вернётся?

– Эй! – женский голос за спиной заставляет меня обернуться.

На дороге стоит молодая женщина с фотоаппаратом на шее. Высокая, с каштановыми волосами, заплетёнными в простую косу, в потёртых джинсах и ярко-синем свитере. Я её уже видел в деревне, но мы не знакомы.

– Вы кота ищете? Я слышала, как вы спрашивали у Анны Петровны, – говорит она, подходя ближе. – Я Елена. Елена Петрова. Недавно переехала сюда.

– Сергей, – киваю в ответ, разглядывая незнакомку.

У неё открытое лицо с россыпью веснушек на носу и щеках, тёмно-зелёные глаза смотрят внимательно, с искренним интересом.

– Да, кот пропал. Черныш. Никогда раньше не пропадал.

– Могу помочь с поисками, – предлагает она. – Я как раз собираю материал о местных традициях. Собственно, хотела к вам зайти.

– Ко мне? – удивляюсь.

– Конечно! – она улыбается. – Я много слышала о вашей

бабушке, Агафье Петровне. Говорят, она была удивительной травницей. Люди до сих пор вспоминают её с теплотой.

Замечаю блокнот в её руке. Ах да, журналистка. Вот чего она хочет.

– Мне сейчас не до интервью, извините, – отвечаю сухо-вато. – Мне кота надо найти.

– Понимаю, – кивает она. – Поэтому и предлагаю помощь. Вдвоём быстрее. А заодно познакомимся, и вы, может, потом расскажете мне о местных обычаях. Я слышала, ваша бабушка многих лечила травами?

Вздыхаю. Не хочется говорить с незнакомкой о бабушке. Не сейчас. Но помощь в поисках Черныша не помешает.

– Ладно, – соглашаюсь неохотно. – Я уже обошёл эту улицу. Может, в сторону леса пойдём? Он любит там гулять.

– Отлично! – Елена убирает блокнот в сумку. – Я пару раз видела чёрного кота возле старой липы на опушке. Может, это ваш?

– Не знаю, возможно, – отвечаю, хотя сомневаюсь. Черныш не любит уходить далеко от дома. Особенно в лес.

Мы идём по тропинке, ведущей к опушке. Елена расспрашивает меня о деревне, о том, как давно я здесь живу. Отвечаю односложно, мысли занимает только Черныш.

– А правда, что в доме вашей бабушки необычная энергетика? – вдруг спрашивает она. – Многие местные говорят, что там происходят странные вещи. Особенно после её смерти.

Останавливаюсь. Вспоминаю цветущие не по сезону травы, светящуюся росу, маленькие следы на земле, шёпот в саду, Черныша, разговаривающего с пустотой.

– Обычный дом, – говорю, отворачиваясь. – Просто старый.

Но внутренний голос шепчет: «Ты знаешь, что это не так».

***

Мы с Еленой обходим дома один за другим. Она стучится в калитки, окликает хозяев, а я держусь чуть позади, чувствуя себя неловко. Не привык я просить помощи, тем более у незнакомцев. Но Черныш важнее. Солнце поднимается всё выше, день обещает быть тёплым. На перекрёстке нас встречает местный сторож Петрович – с неизменной папиросой, прилипшей к нижней губе.

– Кота ищете, значит? – хрипло спрашивает он, выпуская клуб дыма.

– Да, чёрный такой, с белым пятнышком на груди, – отвечаю я. – Не видели?

– Не-а. – Петрович качает головой. – Но ты у Семёныча спроси, он ночью дежурил на ферме. Мог видеть.

Семёныч, оказывается, тоже ничего не видел. Как и Нина, продавщица из сельпо. Как и дворник дядя Федя. Как и почтальонша тётя Клава.

– Коты – они такие, – говорит она, поправляя сумку на плече. – Погуляет и вернётся. Может, невесту нашёл.

– Он кастрирован, – отвечаю сухо.

– Тогда просто заблудился, – пожимает плечами тётя Клава. – Вернётся, куда денется.

Елена записывает что-то в блокнот после каждого разговора. Заметив мой взгляд, поясняет:

– Извините, профессиональная привычка. Я собираю материал о местном быте, о том, как люди общаются, какие словечки используют.

– А я думал, вы про бабушку мою хотели писать.

Она улыбается:

– И про неё тоже. Местные говорят, что Агафья Петровна была не просто травницей, а настоящей ведуньей. Что умела с духами разговаривать, будущее предсказывать.

– Сказки, – отмахиваюсь я, но внутри что-то ёкает. Вспоминаются бабушкины записи в дневнике, странные существа, которых она называла Фырмыриками и Бурмаляками.

Мы сворачиваем на узкую тропинку между заборами – короткий путь к окраине деревни.

– Куда мы идём? – спрашивает Елена, перешагивая через лужу.

– К Марии Степановне. Она жила по соседству с бабушкой ещё при советской власти. Если кто и может что-то подсказать насчёт Черныша, так это она.

– О, я слышала о ней! – оживляется журналистка. – Говорят, она тоже немного... особенная?

– Просто старая, – пожимаю плечами. – И очень наблюдательная.

Домик Марии Степановны – маленький, покосившийся, но ухоженный. Палисадник, несмотря на осень, полон цветов – астры, хризантемы, какие-то незнакомые мне растения с крупными красными соцветиями. Калитка не заперта, просто прикрыта. Стучу для приличия и захожу.

– Тётя Маша! Вы дома?

– А где ж мне ещё быть? – доносится скрипучий голос с крыльца.

Мария Степановна сидит на лавочке, перебирая какие-то семена в плошке. Ей, должно быть, под девяносто – морщинистое лицо как древесная кора, редкие седые волосы собраны в пучок на затылке. Но глаза ясные, пронизательные.

– Доброе утро, – здороваемся мы с Еленой.

Старуха окидывает нас внимательным взглядом.

– Ищешь что-то, Серёжа? – спрашивает она, хотя я ещё ничего не сказал.

– Да, Черныш пропал. Не видели его случайно?

Мария Степановна откладывает плошку с семенами, вытирает руки о передник. Потом вдруг хватает меня за запястье сухими, но удивительно сильными пальцами и тянет к себе. Наклоняюсь.

– Чёрный пушистик отправился за границу видимого, – шепчет она, глядя мне прямо в глаза. – Он всегда был особенным, твой кот. Как и дом твой особенный.

Отстраняюсь, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– Что это значит, тётя Маша?

– То и значит. – Она выпускает мою руку. – Твоя бабка знала, а ты не знаешь. Или не хочешь знать.

– О чём вы?

– О том, что не всё видно глазами, – отвечает старуха загадочно. – Кот твой вернётся, когда сделает то, что должен. А ты лучше смотри внимательнее вокруг. Смотри и слушай. Особенно ночью.

Замечаю, что Елена достала блокнот и записывает каждое слово Марии Степановны. Старуха тоже это видит и вдруг замолкает.

– А ты кто такая будешь? – спрашивает она у Елены недружелюбно.

– Елена Петрова, журналистка. Пишу статью о местных традициях и...

– Писака, значит, – перебивает Мария Степановна. – Только смотри, что пишешь. Не всё можно на бумагу переносить. Не всё для чужих ушей.

Елена смущённо убирает блокнот:

– Я с уважением отношусь к местным обычаям, поверьте.

– Поверю, когда увижу, – ворчит старуха. Потом снова поворачивается ко мне: – А ты вот что, Серёжа. Поставь на ночь молоко на крыльцо. Свежее, парное. У Лизаветы спроси, она корову держит. И кот твой вернётся.

– Спасибо, тётя Маша, – говорю без особой уверенности. – Так и сделаю.

Обратно идём молча. Елена явно переваривает услышан-

ное, а я не знаю, что и думать. Старушечьи байки – или в них есть доля правды? После всего, что я видел за последние дни, уже не так просто отмахнуться.

Когда подходим к моему дому, день клонится к вечеру. Черныша так и не нашли.

– Извините, что не смогла помочь, – говорит Елена на прощание. – Но я бы хотела продолжить поиски завтра, если можно. И если выдастся время, поговорить с вами о вашей бабушке.

Она протягивает мне листок с номером телефона.

– Позвоните, если кот вернётся. Или если захотите просто поговорить.

Благодарю её, хоть и без особого энтузиазма. После её ухода захожу в дом, привычно сбрасываю ботинки у порога. И сразу замечаю: что-то не так. Кружка с чаем, которую я оставил утром на краю стола, теперь стоит посередине. Тру глаза – может, ошибаюсь? Нет, точно помню, где её оставил.

Прохожу на кухню и застываю на пороге. На столе лежит пучок свежей мяты и зверобоя, аккуратно перевязанный ниткой. Я сегодня ничего не срывал. Значит...

– Кто здесь? – спрашиваю громко.

Тишина в ответ. Но половицы вдруг скрипят так, словно кто-то невидимый идёт по коридору. Волоски на руках встают дыбом. Шагаю на звук, заглядываю в комнаты – пусто.

Возвращаюсь на кухню, беру пучок трав, разглядываю. Обычная мята, обычный зверобой. Только очень свежие,

будто только что сорванные. И пахнут сильнее, чем должны. Кладу их обратно на стол.

– Черныш? – зову, хотя понимаю – это не кот ходит по дому. Коты не умеют срывать травы и связывать их в пучки.

Снова скрип половиц – на этот раз из бабушкиной комнаты. Сердце колотится, но иду туда. Никого. Только окно чуть приоткрыто, хотя утром я точно его закрывал. Занавеска колышется от лёгкого ветерка.

Кажется, Мария Степановна права. Здесь происходит что-то странное. И, видимо, Черныш как-то с этим связан.

***

Просыпаюсь резко, будто кто-то окликнул по имени. Сердце колотится, в комнате темно, только лунный свет просачивается сквозь занавески. Сначала не понимаю, что меня разбудило, но потом слышу – странный звук из сада. Мяу-канье, но не обычное. Оно смешивается с чем-то похожим на шёпот, словно Черныш с кем-то разговаривает. Приподнимаюсь на локтях, прислушиваюсь.

Вот опять – мягкое «мяу», а в ответ тихий шелест, как шёпот листвы, но более... осмысленный. Будто кто-то отвечает коту на его языке. Сажусь в кровати, тру глаза, пытаюсь прогнать остатки сна. Может, это просто ветер играет с ветками яблонь? Или соседский кот забрёл на участок?

Но внутренний голос шепчет: «Ты знаешь, что это не так». Слишком это похоже на те странности, которые происходили в последние дни. На то, о чём писала бабушка в своём

дневнике.

Звук доносится снова – теперь отчётливее. Точно Черныш! Его мяуканье невозможно спутать ни с каким другим. Значит вернулся! Но с кем он там?

Встаю с кровати, подхожу к окну. Отодвигаю занавеску, всматриваюсь в сад. Полная луна заливает всё серебристым светом, делая привычный пейзаж призрачным, нереальным. Яблони отбрасывают длинные тени, грядки с травами словно светятся изнутри, а забор кажется размытым, будто нарисованным акварелью.

И вдруг замечаю – посреди лужайки что-то есть. Днём этого точно не было. Приближаю лицо к стеклу, вглядываюсь. Камни! Кто-то выложил из камней странный узор – круг, внутри которого переплетаются линии, образуя сложный рисунок, похожий на...

Сердце замирает. Рисунок в бабушкином дневнике! Тот самый, с пометкой «дверь»! Я точно помню эту страницу – бабушка нарисовала почти такой же узор и подписала: «Дверь между мирами открывается, когда камни расположены в правильном порядке. Но открывать её следует только в крайней нужде».

Кто мог выложить эти камни? Я – точно нет. Елена? Но она не знает про дневник... И зачем?

Пока лихорадочно перебираю возможные объяснения, замечаю движение в центре узора. Прищуриваюсь. Черныш! Мой кот сидит прямо посреди каменного круга, его чёрная

шерсть кажется синеватой в лунном свете. Он смотрит... на что-то. На кого-то.

Рядом с ним... сначала думаю, что это игра света и теней. Но нет. Около него стоит маленькая фигурка размером с ладонь, излучая мягкое голубоватое сияние. Очертаниями она напоминает человечка – голова, туловище, тонкие ручки и ножки. Но это точно не человек – слишком маленький, слишком... светящийся.

Протираю глаза – может, я всё ещё сплю? Но когда снова смотрю в окно, фигурка всё ещё там. Более того, она двигается! Поднимает крошечную руку и касается головы Черныша. Кот в ответ мягко мурлычет – звук доносится до меня даже через закрытое окно.

– Что за чертовщина? – шепчу я, не веря своим глазам.

Фырмырики? Бурмаляки? Те самые существа из бабушкиного дневника? Нет, это невозможно. Такого не бывает в реальном мире.

Но вот же оно – прямо перед моими глазами. Маленькое светящееся существо гладит моего кота, а тот мурлычет, будто это самая обычная вещь на свете.

Решаю, что нужно выйти в сад, убедиться лично. Может, это какой-то фокус света? Или... или что-то настоящее, что можно потрогать руками?

Хватаюсь за оконную ручку, дёргаю – не поддаётся. Заклинило? Дёргаю сильнее – никакого результата. Окно словно намертво прикипело к раме, хотя днём открывалось без

проблем.

– Да что же это такое? – бормочу, прикладывая всё больше усилий.

В отчаянии колочу по раме. В саду Черныш поворачивает голову к окну, его глаза сверкают зелёными огоньками. Светящаяся фигурка тоже замирает, словно прислушиваясь. И мне кажется, или она смотрит прямо на меня?

Налегаю на ручку всем весом, и вдруг окно поддаётся с громким скрипом. Холодный ночной воздух врывается в комнату. Высовываюсь наружу.

– Черныш! – кричу я. – Кис-кис-кис!

Но в тот же момент и кот, и светящаяся фигурка исчезают – не убегают, не улетают, а просто растворяются в воздухе, будто их никогда и не было. Каменный узор остаётся на месте, тускло поблёскивая в лунном свете.

Не веря своим глазам, выбегаю из комнаты, через коридор, на крыльцо. Ночной воздух холодит разгорячённое лицо. Быстрым шагом иду туда, где только что видел Черныша и странное создание.

Круг из камней на месте – камни самые обычные, каких полно вдоль ручья за огородом. Выложены в сложный узор, точно повторяющий рисунок из бабушкиного дневника. Опускаюсь на колени, трогаю их – холодные, влажные от росы.

– Черныш? – зову снова, вглядываясь в темноту между яблонями. – Где ты?

Тишина. Только лёгкий ветерок шелестит листвою да где-то далеко ухает сова. Кота нет. И странного светящегося существа тоже нет.

Обхожу сад, заглядываю под кусты, зову Черныша – никакого отклика. Возвращаюсь к каменному кругу, сажусь рядом с ним. Что это было? Что я видел? Неужели все эти сказки, все бабушкины записи о маленьком народце, о границе миров – правда?

«Место силы», – писала она. «Дом стоит на месте силы. Здесь сходятся потоки энергии земли. Потому и травы тут растут особые...»

Вспоминаю цветущие не по сезону травы, странную росу, светящуюся голубым, маленькие следы на земле. И вот теперь – Черныш, исчезнувший вместе с загадочным существом.

– «Чёрный пушистик отправился за границу видимого», – повторяю слова Марии Степановны.

Может, это и есть ответ? Выходит, Черныш каким-то образом пересёк ту самую границу миров, о которой писала бабушка? И эти камни – действительно дверь?

Провожу рукой по каменному узору. Обычные камни. Обычная трава под ними. Ничего волшебного, ничего необычного. И всё же...

Поднимаю глаза к небу. Звёзды подмигивают с тёмного купола, луна освещает сад призрачным светом. Окружающий мир вдруг кажется мне иным – полным тайн и возмож-

ностей, о которых я даже не догадывался.

«Когда придёт время, он заметит их и примет своё наследство», – писала бабушка обо мне.

Кажется, это время настало.

Глава 4. Наследие Агафьи

Часы на стене показывают три ночи, но сон не идёт. Сажу в кресле, листая бабушкин дневник уже который час. Глаза слипаются, но каждый раз, когда почти проваливаюсь в дрему, передо мной встаёт картина: Черныш и то светящееся существо, исчезающие в никуда. И я снова листаю потрёпанные страницы, ища ответы. Где мой кот? Что это было за существо? И как, чёрт возьми, вернуть Черныша домой?

Настольная лампа отбрасывает тусклый жёлтый свет на страницы. Её абажур с бахромой – ещё бабушкин, как и почти всё в этом доме. Тру глаза кулаками. Они болят и чешутся от усталости. Рядом – пустая чашка с засохшим чаем на дне. Уже третья за ночь.

Пальцы непроизвольно дрожат, когда переворачиваю очередную страницу. Почерк бабушки мелкий, но чёткий, с завитушками на заглавных буквах. Почти каллиграфия. «Сегодня Бурмаляки принесли в дар кусочек янтаря с замёрзшей внутри пчелой. Говорят, это дар от самой Матери-Земли. Янтарь следует добавлять в настои от тяжёлых болезней...»

За окном всё ещё темно, но скоро рассвет. Черныш пропал больше суток назад, а я до сих пор не нашёл ничего конкретного. Да, бабушка писала про своих «маленьких друзей», про их привычки, про то, что они помогали ей с тра-

вами, находили пропавшие вещи, подсказывали, где копать колодцы. Но нигде ни слова о том, что делать, если твой кот исчезнет вместе с одним из этих существ.

– Чушь какая-то, – бормочу я в пустоту комнаты.

Но видел, собственными глазами. И камни эти в саду – не сами же они сложились в такой узор. И как объяснить цветущие осенью травы? И светящуюся росу?

Откидываюсь в кресле, закрываю глаза. В памяти всплывает лето, мне лет восемь. Сидим с бабушкой на веранде, пьём чай с малиновым вареньем.

– Фырмырики, внучок, – тихонько говорит она, наклонившись ко мне, – это хранители дома. Маленькие, не больше твоей ладошки, но очень умные. Они следят, чтобы в доме был порядок, чтобы печка хорошо топилась, чтобы еда не портилась. А ещё они помогают находить потерянные вещи.

– Как домовые? – спрашиваю я, жуя пирожок.

– Похожи, но не совсем, – бабушка улыбается, морщинки собираются лучиками вокруг глаз. – Домовой – один, а Фырмыриков много. И они не просто в доме живут, а на границе.

– Какой границе?

– Между нашим миром и их миром, – бабушка показывает рукой в сторону леса. – Там всё по-другому. Другие законы, другое время. Иногда граница становится тонкой, почти прозрачной, и тогда они могут приходить сюда, а мы – туда. Если знаешь дорогу, конечно.

– А ты знаешь?

Бабушка смеётся:

– Знаю, внучок. И тебя научу, когда время придёт.

Но время не пришло. Она умерла, а я так и остался со сказками вместо знаний. Считал всё это выдумкой, фольклором, чем-то, что она придумывала, чтобы занять городского внука долгими летними вечерами.

Какой же я дурак.

Открываю глаза, возвращаюсь к дневнику. Читаю записи не по порядку, выхватывая случайные страницы.

«Бурмаляки сегодня предупредили о грозе. Сказали, что будет сильный град, нужно укрыть посадки. Так и случилось – град размером с перепелиное яйцо. У соседей весь урожай побил, а мой цел».

«Фырмырик с рожками, тот, что старший, показал новое место для колодца. Старый почти пересох. Выкопали там, где он указал – вода чистая, сладкая. Фёдор Ильич, что из колхоза, удивлялся – как я узнала, где копать. Сказала, что сон видела. Люди не готовы к правде».

Перелистываю страницы, глаза скользят по строчкам. Так много записей, но ничего конкретного о том, как вызвать этих существ, как с ними поговорить. Только наблюдения, случайные факты.

За окном начинает светлеть. Первые лучи рассвета проникают в комнату, падая на страницы дневника. И вдруг замечаю что-то странное – между строчками бабушкиного почерка проступают другие, более бледные, словно написан-

ные невидимыми чернилами. Моргаю, похоже от усталости снова что-то мерещится. Но нет, они всё ещё там – тонкие, едва различимые строки.

Подношу страницу ближе к окну, где светлее. И да – там точно есть текст! Бледно-зеленоватый, почти прозрачный, но точно читаемый. Бабушка писала между строк обычного текста, используя какие-то особые чернила, которые проявляются только при определённом освещении.

Сердце начинает биться чаще. Поднимаю дневник, держу его так, чтобы утренний свет падал на страницы под углом. Слова проступают чётче:

«Для призыва хранителей границы требуется отвар из семи трав, собранных на рассвете. Зверобой, чабрец, мята, полынь, валериана, тысячелистник и цветок папоротника, если найдёшь. Сбирать босыми ногами, с благодарностью земле. Варить в родниковой воде при молодой луне. Добавить каплю крови призывающего – это дань за переход. Поставить на пороге дома с заходом солнца, отступить в тень и ждать. Они придут, если зов искренний».

Дальше идут детали – как именно варить отвар, какие слова произносить, как вести себя при встрече с «маленьким народцем». Лихорадочно перелистываю страницы, ища продолжение. Вот оно!

«Чтобы перейти границу миров, нужен проводник из их мира или опытный человек из нашего. Без проводника путь опасен – можно потеряться навсегда между мирами. Грани-

да тонка в особые дни – равноденствия, солнцестояния, полнолуния. В эти дни переход возможен даже для неопытного человека, но риск всё равно велик».

Значит, Черныш каким-то образом пересёк эту границу? Может, он сам стал проводником? Или его забрали? И при чём тут каменный круг в саду?

На следующей странице нахожу ответ:

«Круг камней – это дверь. Каждый камень должен лежать на своём месте, создавая правильный узор. Узор меняется в зависимости от дня года и фазы луны. Неправильно выложенный круг – путь в никуда».

Руки дрожат так сильно, что я едва не роняю дневник. Это безумие какое-то. Волшебные существа, другие миры, тайные рецепты зелий... Я же нормальный человек! Взрослый, образованный, с высшим образованием. Как я могу верить в эти сказки?

Но что, если всё это правда? Что, если бабушка не выдумывала, а действительно знала что-то, недоступное обычным людям?

Смотрю на часы – почти шесть утра. За окном полностью рассвело, и странные, проявившиеся строки начинают бледнеть, сливаясь с пожелтевшей бумагой. Ещё немного – и они исчезнут совсем.

Хватаю телефон, начинаю фотографировать страницы. Не знаю, отразятся ли невидимые строки на снимках, но должен попытаться. Щёлкаю страницу за страницей, потом прове-

ряю фото – да, тексты видны, хоть и нечётко. Этого хватит.

Откладываю дневник, тру лицо руками. Неужели я все-рьёз собираюсь варить какое-то волшебное зелье и вызывать сказочных существ? Это же бред!

Но перед глазами снова встаёт сцена в саду – Черныш и светящаяся фигурка, исчезающие в никуда. И цветущий не по сезону зверобой. И странная роса. И все другие необъяснимые вещи, которые я видел за последние дни.

Выбора у меня, похоже, нет. Ради Черныша я готов поверить даже в сказки. Хотя бы на время.

***

Выхожу в сад, как только первые лучи солнца касаются верхушек яблонь. В руках – плетёная корзинка, та самая, с которой бабушка собирала травы. На ногах – ничего, как и написано в дневнике. Земля холодная, влажная, пальцы немеют от утренней росы, но я упрямо иду к дальнему углу сада, где растут лечебные травы. Список чётко отпечатался в памяти: зверобой, чабрец, мята, полынь, валериана, тысячелистник и... цветок папоротника. Последний, конечно, сказка – папоротник не цветёт. Но остальное найти можно. Должен смочь.

Странное дело – обычно в октябре все травы уже засыхают, готовятся к зиме. Но в бабушкином саду они до сих пор зеленеют, а некоторые даже цветут. Словно время здесь идёт по-своему. Или словно кто-то поддерживает их жизнь.

Зверобой нахожу первым – его жёлтые звёздочки ярко вы-

деляются среди зелени. Наклоняюсь, осторожно срезаю ножницами несколько стеблей с цветками. Бабушка всегда говорила: «Не рви траву с корнем. Срежь так, чтобы она могла расти дальше». Кладу зверобой в корзинку.

Мята растёт тут же, рядом. Её запах – свежий, прохладный – усиливается, когда касаюсь листьев. Срезаю несколько веточек, растираю лист между пальцами. Запах становится интенсивнее, пробуждает воспоминания о чаепитиях с бабушкой, о её рассказах, о том, как она учила меня различать травы.

– Мята успокаивает не только тело, но и душу, – словно слышу её голос. – А ещё она открывает двери, которые обычно закрыты.

Чабрец, тысячелистник, полынь – все они растут на грядках, ухоженных, словно кто-то за ними присматривает. Может, я сам, неосознанно, поддерживал бабушкин сад в порядке? Или...

Валериану нахожу в тени яблони. Её запах сильный, терпкий, немного неприятный. Бабушка говорила: «Самые сильные лекарства часто пахнут хуже всего». Добавляю несколько корешков в корзинку.

С цветком папоротника сложнее. По легендам, он цветёт только в ночь на Ивана Купалу, и увидеть его почти невозможно. Конечно, это миф – папоротники размножаются спорами, а не цветами. Но что-то мне подсказывает, что бабушка имела в виду что-то конкретное, какое-то растение, кото-

рое она называла «цветком папоротника».

Вспоминаю её травяную кладовую – маленькую комнатку в дальнем углу дома, где хранились засушенные травы, настои, отвары. Там, на верхней полке, в синей стеклянной банке, она держала что-то особенное. «Это на крайний случай, – говорила она. – Когда другого выхода нет».

Возвращаюсь в дом, иду прямо в кладовую. Банка всё ещё там, покрытая тонким слоем пыли. Открываю крышку – внутри что-то, похожее на сморщенные бутоны тёмно-фиолетового цвета. Пахнут странно – сладковато, но с горчинкой. Не знаю, что это, но интуиция подсказывает – то, что нужно.

Беру один бутон, добавляю в корзинку. Теперь все ингредиенты собраны.

На кухне достаю старый глиняный горшок, в котором бабушка всегда готовила отвары. В нём сохранился её запах – травяной, тёплый. Наливаю воду – не из-под крана, а из бутыли, которую наполнил вчера из колодца. Родниковая, как и требуется.

Раскладываю травы на столе, осматриваю их. Каждая должна быть качественной, без порчи. Бабушка учила: «Испорченная трава даст испорченное лекарство». То же, видимо, касается и волшебных отваров.

Развожу огонь в печи – старой, дровяной. Газовая плита есть, но для этого дела нужен живой огонь, так написано в дневнике. Пока дрова разгораются, промываю травы про-

хладной водой, затем нарезаю их специальным ножом – с серебряным лезвием, ещё бабушкиным.

Вода в горшке начинает нагреваться. Добавляю травы в определённом порядке, как указано в дневнике – сначала корни валерианы, потом полынь, тысячелистник, чабрец, мята, зверобой. Странный «цветок папоротника» оставляю напоследок.

Варево начинает пахнуть – сложно, многослойно. Запахи трав смешиваются, создавая новый аромат, который заполняет всю кухню. Не могу сказать, приятный он или нет – просто очень сильный, почти осязаемый физически.

Согласно инструкциям, отвар должен кипеть ровно семь минут. Ставлю таймер на телефоне, помешиваю деревянной ложкой по часовой стрелке. Жидкость меняет цвет – из прозрачной становится зеленоватой, потом приобретает янтарный оттенок.

Когда таймер звенит, добавляю последний ингредиент – загадочный бутон из синей банки. Он растворяется почти мгновенно, и отвар вдруг становится тёмно-фиолетовым, почти чёрным.

Снимаю горшок с огня, даю остыть. Пока жду, мысли крутятся вокруг одного вопроса: неужели я всерьёз верю, что это сработает? Что какой-то отвар из трав привлечёт волшебных существ? Это же абсурд, детская сказка, фольклор!

Но опять же – я видел светящуюся фигурку собственными глазами. Видел, как Черныш исчез с ней. Видел каменный

круг, слишком похожий на рисунок в дневнике. Слишком много совпадений.

Когда отвар остывает до комнатной температуры, переливаю его в глиняную чашку. Осталось последнее – самое странное. Капля крови.

Беру кухонный нож, самый острый, протираю спиртом. Задерживаю дыхание, быстро провожу лезвием по подушечке большого пальца. Острая боль, потом тепло растекается по руке. Капля крови набухает, срывается и падает в тёмную жидкость. Отвар вскипает – без огня! – и снова успокаивается. Теперь он пахнет словно лесная земля после дождя.

– Сошёл с ума, – бормочу себе под нос, но всё равно продолжаю.

Иду к входной двери, осторожно неся чашку. Солнце уже садится – идеальное время, согласно дневнику. Открываю дверь, ставлю чашку на порог, точно на границе между домом и садом.

– Надеюсь, это сработает, – говорю в пустоту. – Мне просто нужно найти моего кота.

Отступаю в тень, сажусь в старое кресло у окна, откуда хорошо видно крыльцо. Отсюда смогу наблюдать, оставаясь незамеченным.

Сумерки сгущаются. Сад погружается в синеву, контуры предметов размываются. Звуки становятся громче – шелест листьев на ветру, стрекот сверчков, далёкий лай собак из деревни. Чашка на пороге тёмным пятном выделяется на фоне

светлого дерева.

Жду. Сомнения грызут изнутри. А что, если всё это выдумка? Что, если бабушка просто сочиняла сказки, а я, взрослый мужик, повёлся как ребёнок? Что, если Черныш просто убежал, как обычный кот, и сейчас сидит у какой-нибудь соседки, выпрашивая колбасу?

Но тут же вспоминаю странное свечение, каменный круг, цветущие осенью травы. Нет, что-то здесь происходит. Что-то необъяснимое обычной логикой.

Небо окончательно темнеет. Звёзды проступают одна за другой, словно кто-то протыкает чёрный полог маленькими булавками. Луна – тонкий серп – поднимается над верхушками деревьев.

А я всё сижу, не сводя глаз с чашки на пороге. Жду чуда. Или подтверждения, что я окончательно сошёл с ума.

***

Ночь обволакивает сад, словно чернильное покрывало. Сижу в кресле у окна, не шевелясь, боясь спугнуть даже возможность чуда. Прошёл час, может больше. Глаза устали вглядываться в темноту, но я продолжаю наблюдать. Чашка на пороге почти неразличима в ночной тьме. И вдруг – лёгкий шорох в кустах смородины. Потом ещё один, ближе к крыльцу. Наклоняюсь вперёд, напрягая зрение. Что-то движется там, в темноте. Что-то маленькое, осторожное, явно не кошка и не ёж.

Задерживаю дыхание, стараюсь не моргать, чтобы не про-

пустить... Вот! Слабое свечение возникает у края тропинки. Не яркое, скорее, как отблеск луны на воде – голубоватое, текучее. Свечение движется, приближаясь к дому. Теперь вижу – это не просто свет. Это существо, маленькое, ростом с ладонь, с тонкими конечностями и большой, непропорциональной головой.

За ним появляется второе, третье... Они выходят из темноты сада, словно материализуясь из ночного воздуха. Все светятся, но по-разному – одни голубоватым светом, другие зеленоватым, третьи почти белым. Их не меньше десятка, и все направляются к чашке на пороге.

Теперь могу рассмотреть их лучше. Фырмырики – это точно они! – выглядят как миниатюрные человечки, только с заострёнными ушами и пальцами, напоминающими тонкие веточки. Кожа у них текстурирована, как древесная кора или листья. Один из них, повыше остальных, движется с особым достоинством. На его голове что-то вроде маленьких рожек или, скорее, ветвистых отростков, похожих на олени рога в миниатюре. Судя по бабушкиным записям – старейшина.

За Фырмыриками, держась в тени, идут существа покрупнее – Бурмаляки. Они коренастые, с жёсткой шерстью, меняющей цвет от рыжего до тёмно-зелёного. Глаза светятся в темноте, как у кошек, только ярче, интенсивнее. Они двигаются с удивительной грацией для своих приземистых тел, почти не касаясь земли.

Фырмырики достигают порога первыми. Окружают чаш-

ку, переговариваются – слышу тихие звуки, похожие на шелест листьев, перемешанный с птичьим щебетом. Один из них, самый маленький, наклоняется над чашкой, принимает, затем оборачивается к остальным и издаёт трель, похожую на смех ребёнка.

Старейшина с рожками выходит вперёд, поднимает руку – все замолкают. Он наклоняется над чашкой, касается жидкости длинным пальцем. Отвар начинает светиться, как будто в нём растворили звёздный свет. Фырмырики выстраиваются в очередь, каждый подходит к чашке и отпивает глоток. После каждого их свечение становится ярче, словно напиток подпитывает их внутренний свет.

Бурмаляки тоже приближаются, но держатся чуть в стороне, будто сомневаясь. Один, с янтарными глазами, выходит вперёд, подходит к чашке после того, как Фырмырики отступают. Он не пьёт, а просто касается жидкости, и она как будто впитывается в его кожу.

Не могу поверить глазам. Это происходит на самом деле! Не сон, не галлюцинация. Прямо на моём крыльце собрались существа из бабушкиных сказок, пьют отвар, который я приготовил по её рецепту. Голова кружится от осознания.

В этот момент, наклоняясь ещё ближе к окну, задеваю локтем стоящий рядом стул. Он скрипит по полу – звук не громкий, но в тишине ночи кажется оглушительным.

Все существа замирают, как по команде. Потом их свечение резко усиливается – будто от испуга – и в следующую

секунду они разбегаются, растворяясь в темноте сада. Только старейшина с рожками остаётся на месте. Он поворачивает голову к окну и смотрит – прямо на меня, словно видит сквозь стекло.

Меня бросает в жар. Что делать? Бежать? Прятаться? Или...

Старейшина делает жест рукой, словно приглашая. Он хочет, чтобы я вышел.

Сердце колотится где-то в горле, когда я поднимаюсь с кресла. Ноги дрожат, но иду к двери. Открываю её, медленно выхожу на крыльцо. Старейшина смотрит на меня снизу вверх – его рост едва достигает моего колена, но в его глазах, похожих на маленькие изумруды, читается древняя мудрость.

– Н-наконец-то внук Агани увидел истинное, – произносит он, и я едва не падаю от удивления.

Его голос – не писк, не шёпот, как можно было бы ожидать от такого маленького существа. Он глубокий, резонирующий, словно говорит не одно существо, а многие, в унисон.

– Вы... вы говорите по-русски? – это первое, что приходит в голову.

Старейшина издаёт звук, похожий на смех:

– М-мы говорим на всех языках лесов и полей, рек и озёр. Человеческий язык – просто один из многих. – Он делает паузу. – Ты искал нас. Зачем?

Сглатываю комок в горле:

– Мой кот, Черныш. Он исчез. Я видел, как он... как вы...

– не могу подобрать слова.

– Чёрный стр-раж перешёл гр-раницу по своей воле, – кивает старейшина. – Он выполняет древнюю м-миссию.

– Какую миссию? Что значит «перешёл границу»? Куда он делся?

Старейшина поднимает руку, останавливая поток вопросов:

– Твоя бабка, Аганя, знала о равновесии м-миров. Она была хр-ранительницей пер-рекрёстка. – Он показывает вокруг. – Этот дом-м, этот сад – они стоят там-м, где м-миры соприкасаются. Тонкая гр-рань м-между вашим-м м-миром-м и нашим-м.

Он говорит с странным акцентом, растягивая некоторые согласные, особенно «р».

– Когда Аганя ушла, р-равновесие нарушилось. Граница истончилась. Существа из нашего м-мира начали проникать в ваш без контр-роля. Чёрный страж видел это и решил действовать.

– Черныш? – переспрашиваю недоверчиво. – Но он просто кот!

– Нет, – качает головой старейшина. – Он никогда не был «просто котом-м». Аганя выбрала его, вырастила как стр-ража гр-раницы. Он понимает оба м-мира.

Вспоминаю, как Черныш всегда странно себя вёл – словно видел что-то, чего не вижу я. Как разговаривал с пустотой.

Как находил вещи, которые я считал потерянными.

– И что теперь? Где он? Как его вернуть?

Старейшина смотрит на меня оценивающе:

– Он в нашем-м м-мире, пытается восстановить р-равно-
весие. Но один не справится. Нужен новый хр-ранитель с
этой стор-роны. Человек.

Догадка ударяет, как молния:

– Вы хотите, чтобы я...

– Да. Ты – кр-ровь Агани. Её наследие в тебе. – Старейши-
на делает шаг ближе. – Ты уже видишь нас. Уже слышишь.
Осталось принять ответственность.

Мотаю головой:

– Я ничего не знаю о хранителях! О равновесии миров! Я
обычный человек, фотограф из Москвы!

– Нет, – мягко возражает старейшина. – Ты выбрал этот
дом-м. Выбрал эту землю. Что-то позвало тебя сюда. Что-то
внутр-ри тебя знало.

И он прав. Что-то действительно удерживало меня здесь
все эти два года. Что-то не давало вернуться в город, к преж-
ней жизни.

– Если я соглашусь, что будет? Что я должен делать?

– Научиться видеть. Научиться слышать. – Старейшина
показывает на каменный круг в саду. – Научиться пр-рохо-
дить. Как это делала твоя бабка.

– Проходить? Через границу миров?

– Да. Найти чёрного стр-ража. Пом-мочь ем-му закр-рыть

бр-решь. Вернуть р-равновесие.

Голова идёт кругом от всей этой информации. Другие миры, волшебные существа, Черныш на какой-то космической миссии... Это слишком!

– А если я откажусь?

Глаза старейшины темнеют:

– Гр-раница р-разрушится окончательно. М-миры см-мешаются. Это принесёт хаос и в ваш м-мир, и в наш. – Он делает паузу. – И чёрный страж никогда не вер-рнётся.

Черныш. Мой кот. Мой друг. Два года он был рядом, единственное живое существо, которому я мог доверять, с которым мог поговорить. Не могу его бросить.

– Хорошо, – слышу собственный голос будто со стороны.

– Что я должен делать?

Старейшина кивает, словно именно такого ответа и ожидал:

– Сначала научиться видеть по-настоящему-му. – Он указывает на мои глаза. – Ты видишь нас, но не полностью. Видишь наш облик в этом-м м-мире, но не нашу истинную сущность.

Он оглядывается на сад, словно проверяя, не подслушивает ли кто:

– Завтр-ра в полночь. Каменный круг. Пр-риходи один. Начнём-м твоё обучение.

И прежде чем я успеваю задать ещё хоть один вопрос, старейшина растворяется в воздухе – не исчезает, а именно рас-

творяется, как капля чернил в воде.

Стою на пороге, глядя в ночной сад. Пустая чашка – всё выпили до капли – единственное доказательство, что мне не померещилось. Ну, и ещё мелкие следы на пыльных досках крыльца – пятипалые отпечатки, слишком маленькие для человека, слишком человеческие для животного.

– Ну и влип ты, Серёжа, – говорю сам себе. – По самые уши.

Но странное дело – внутри нет страха. Только удивление, любопытство и... облегчение? Да, пожалуй, именно облегчение. Наконец-то этот мир обрёл смысл. Наконец-то странности последних дней сложились в понятную картину.

Бабушка не сочиняла сказки. Она рассказывала правду. Просто я был слишком взрослым, слишком рациональным, чтобы её услышать.

Поднимаю глаза к звёздному небу. Где-то там, за невидимой границей, мой Черныш пытается спасти равновесие миров. А я стою на пороге – в прямом и переносном смысле. На пороге дома и на пороге новой жизни. Жизни, в которой мне предстоит стать хранителем перекрёстка миров.

Вдруг понимаю – я готов. Может быть, всегда был готов. Может, именно поэтому вернулся сюда два года назад. Может, именно поэтому никогда по-настоящему не чувствовал себя частью городской жизни.

Каким бы безумием всё это ни казалось, я чувствую – это моя судьба. Моё наследие. И завтра в полночь я сделаю пер-

вый шаг к тому, чтобы его принять.

Глава 5. Перепутье решений

Сумерки окутывают сад мягким серым покрывалом. Сажу на крыльце, обхватив колени руками, и вглядываюсь в темнеющее небо. С момента ночного разговора со Старейшиной прошли сутки, а я всё ещё не могу уложить в голове услышанное. Хранитель перекрёстка миров. Я. Городской фотограф, который два года назад не отличил бы мяту от крапивы. Пальцы непроизвольно касаются серебряного кулона на шее – единственной вещи, оставшейся от бабушки Агафьи.

В воздухе пахнет свежестью и прелыми листьями. Где-то на окраине лает собака, ей вторит другая, дальше. Обычные звуки деревенского вечера. Только теперь я знаю, что они – лишь завеса, скрывающая другую реальность.

Лёгкое движение у края грядки привлекает моё внимание. Сначала думаю, что это просто ветер играет с листьями, но нет – там определённо что-то есть. Что-то маленькое и быстрое.

– Выходи, – говорю негромко. – Я знаю, что ты там.

Тишина. Потом шорох, и из-за куста шалфея появляется фигурка, не больше кошки. Но это не Фырмырик – существо крупнее, коренастее, с большими ушами и глазами, которые отражают лунный свет как два маленьких зеркала.

– Шурх, старейшина Бурмаляков, приветствует внука

Агани, – произносит существо, выходя на лунный свет.

Его голос глубже, чем у Старейшины Фырмыриков, с хрипотцой, словно камни перекатываются по дну ручья.

– Здравствуй, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Ты пришёл раньше полуночи.

Шурх делает ещё несколько шагов. Теперь вижу его лучше – жёсткая шерсть, меняющая цвет от рыжего до тёмно-зелёного в зависимости от освещения. Короткие, но крепкие ноги. Руки с шестью пальцами, каждый с крошечным когтем.

– Мы не могли ждать, – говорит он, и я замечаю, что он использует множественное число, хотя пришёл один. – Чёрный страж в опасности. Брешь растёт.

– Что с Чернышом? – вскакиваю на ноги. – Он ранен? Он...

– Спокойно, внук Агани, – Шурх поднимает руку. – Чёрный страж жив, но не может вернуться. Он нашёл то, что искал, но цена возвращения высока.

– О чём ты говоришь? Какая цена?

Шурх подходит к ступенькам крыльца, смотрит на меня снизу вверх. В лунном свете его глаза кажутся бездонными.

– Мы пришли предложить ритуал открытия врат между мирами, – говорит он торжественно. – Древний обряд, известный только хранителям перекрёстка.

Сажусь обратно на ступеньки, чтобы быть ближе к его уровню.

– Расскажи подробнее.

– В полнолуние, – начинает Шурх, – когда граница тоньше всего, можно создать проход. Временный, но достаточный, чтобы вернуть Чёрного стража домой.

– И что для этого нужно? – спрашиваю, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

Шурх обводит взглядом сад.

– Круг камней уже есть. Нужны травы, собранные в правильный час. Огонь от чистого дерева. – Он делает паузу. – И жертва.

Последнее слово повисает в воздухе, тяжёлое и мрачное.

– Жертва? – переспрашиваю. – Какая?

– Цена будет высока, – отвечает Шурх, и его голос становится ещё ниже. – Внук Агани должен отдать то, что дорого сердцу. То, что соединяет тебя с прошлым и будущим. Мостик между мирами внутри тебя.

Его глаза останавливаются на моей шее, точнее, на серебряном кулоне, который я неосознанно сжимаю в руке.

– Этот амулет, – говорит Шурх. – Он хранит силу Агани. Её связь с мирами. Её дух.

Отшатываюсь, крепче сжимая кулон. Это простая серебряная подвеска – овальная, с выгравированным узором, напоминающим ветвящееся дерево. Бабушка никогда не снимала её. А перед смертью сняла сама и отдала мне.

– Нет, – отвечаю резче, чем собирался. – Это единственное, что у меня осталось от неё. Я не могу...

– Мы понимаем, – кивает Шурх. – Цена высока. Но мост

между мирами требует опоры. Сильной опоры.

Встаю, делаю несколько шагов по крыльцу. Мысли путаются. Конечно, я хочу вернуть Черныша. Но отдать бабушкин кулон? Последнюю вещь, которая связывает меня с ней?

– Должен быть другой способ, – говорю, оборачиваясь к Шурху.

Бурмаляк качает головой:

– Другие пути есть. Но все требуют цены. Иногда выше, иногда ниже. Но всегда – личной.

Снова сажусь на ступеньки, нервно скребя затылок.

– Мне нужно подумать, – говорю наконец. – Это слишком... слишком серьёзно.

Шурх смотрит на меня долго, изучающе. Потом медленно кивает:

– Мы дадим тебе время. Но немного. – Его голос становится тревожным. – Время утекает, как вода сквозь пальцы. Чёрный страж там не просто так.

– Что ты имеешь в виду?

– Он нашёл то, что нарушает равновесие. То, что не должно было пройти через границу. – Шурх делает шаг назад, в тень. – Опасность растёт с каждым закатом.

– Подожди! – вскакиваю. – Что за опасность? Что нашёл Черныш?

Но Шурх уже отступает дальше, его фигура тает в вечерних сумерках.

– Решай скорее, внук Агани. Полнолуние через три ночи.

Тогда граница будет тоньше всего.

И прежде чем я успеваю сказать что-то ещё, он исчезает, растворяясь в тенях, словно никогда и не было.

Сжимаю и разжимаю кулаки, пытаюсь справиться с нахлынувшими эмоциями. С одной стороны – Черныш, мой единственный друг в этой глуши. С другой – кулон бабушки, последняя ниточка, связывающая меня с ней.

Сажусь обратно на крыльцо, обхватив голову руками. Что бы сделала бабушка Агафья на моём месте? Она бы знала, как поступить. Она всегда знала.

Но её нет рядом. И решение придётся принимать мне. Одному.

Поднимаю глаза к небу. Луна, почти полная, равнодушно смотрит на меня. Три ночи. У меня есть три ночи, чтобы решить, готов ли я пожертвовать памятью ради будущего. Готов ли расстаться с последней частичкой бабушки, чтобы спасти Черныша.

Пальцы снова касаются серебряного кулона. Он тёплый, словно живой, словно хранит тепло рук бабушки Агафьи, десятилетиями носившей его.

«Что бы ты сделала, бабуля?» – спрашиваю мысленно. Но ответа нет. Только ветер шелестит в листве яблонь, да где-то вдалеке всё ещё лают собаки.

***

Пытаюсь работать над статьёй, но слова разбегаются, как муравьи от воды. Трижды перечитываю один и тот же абзац,

но смысл ускользает. В голове крутится только разговор с Шурхом, его требование отдать бабушкин кулон, невозможность выбора между памятью о прошлом и спасением друга. Захлопываю ноутбук. Бесполезно. Как можно писать о местных легендах, когда сам оказался внутри одной из них?

Стук в дверь застаёт врасплох. Не жду гостей. Вообще никого не жду.

– Открыто, – говорю, потому что в деревне никто не запирается днём.

Дверь открывается, и на пороге появляется Елена – в джинсах и ярком красном свитере, с термосом в руках и улыбкой, которая кажется неуместно бодрой на фоне моего настроения.

– Привет, – говорит она, закрывая за собой дверь. – Решила заглянуть, проверить как ты. Нашёлся кот?

Качаю головой. Что ей сказать? «Да, он в параллельном мире, сражается с чем-то опасным, и мне нужно отдать бабушкин кулон, чтобы открыть портал и вернуть его»? Она решит, что я сошёл с ума.

– Нет пока, – отвечаю коротко.

Елена ставит термос на стол, снимает куртку.

– Я принесла чай. Настоящий, китайский. Не эти пакетики из магазина.

Киваю, благодарно, но без энтузиазма.

– Что-то случилось? – спрашивает, внимательно глядя на меня. – Ты какой-то... потерянный.

– Просто устал, – вру неубедительно. – Плохо спал.

Елена разливает чай. Аромат заполняет кухню – свежий, чуть терпкий. Она садится напротив, обхватывает чашку ладонями.

– Знаешь, – говорит после паузы, – когда человек говорит «просто устал», обычно дело в чём-то другом.

Невольно улыбаюсь. Журналистская хватка.

– Может, и так.

Она не давит, просто сидит и пьёт чай, давая мне время. Это неожиданно... приятно. Давно со мной никто так не сидел – в тишине, без необходимости заполнять её словами.

– Помнишь, я рассказывал тебе про дневник бабушки? – спрашиваю наконец.

– Про существ, которых она видела? Фырмыриков и... как их...

– Бурмаляков, – подсказываю.

– Да, точно. – Она ставит чашку. – Я тогда подумала, что это отличный материал для статьи. Местный фольклор в чистом виде.

Нервно постукиваю пальцами по столу. Сказать или нет? Решаюсь:

– А если я скажу, что это не фольклор? Что они существуют на самом деле?

Елена замирает на мгновение, потом откидывается на спинку стула. В её глазах нет насмешки, только острый интерес.

– Ты их видел?

Киваю:

– И не только видел. Разговаривал. Они... ищут моего ко-
та. Точнее, он у них. То есть, не у них, а... – запутываюсь в
собственных словах.

– Так, – Елена поднимает руку, останавливая мой сбивчи-
вый рассказ. – Давай по порядку. С самого начала.

И я рассказываю. Про цветущие не по сезону травы. Про
странную росу. Про Черныша, исчезнувшего с загадочной
светящейся фигуркой. Про разговор со Старейшиной Фыр-
мыриков. Про вчерашнюю встречу с Шурхом и его требова-
ние отдать бабушкин кулон для ритуала.

Елена слушает, не перебивая. Только иногда уточняет де-
тали. Её взгляд становится всё более задумчивым.

– И ты веришь во всё это? – спрашивает она, когда я за-
канчиваю.

– Я видел их собственными глазами, – отвечаю, готовясь
к скептицизму. – Говорил с ними. Они знают вещи, которые
никто не мог знать.

К моему удивлению, Елена не спорит:

– Знаешь, в этих краях давно ходят странные истории. О
людях, которые видят то, чего не видят другие. О местах, где
время течёт иначе. – Она делает паузу. – Я приехала сюда
именно за такими историями.

– И ты мне веришь? – спрашиваю недоверчиво.

– Скажем так, – улыбается она, – я не исключаю, что ты

говоришь правду. В конце концов, в мире столько всего, чего мы не понимаем.

Это не совсем вера, но и не отрицание. Уже что-то.

– И что мне делать? – спрашиваю, чувствуя странное облегчение от того, что поделился своей тайной.

Елена задумчиво крутит чашку в руках:

– Знаешь, есть один человек, который мог бы помочь. Профессор Виктор Кузнецов. Он известный фольклорист, годами собирает легенды о деревнях в окрестностях Нижнетравинска. Если кто и знает о параллельных мирах, то это он.

– Ты с ним знакома?

– Брала интервью для статьи, – кивает Елена. – Он... своеобразный, но очень знающий. И открытый к необычному.

Нервно постукиваю пальцами по столу. С одной стороны, рассказать ещё кому-то? С другой – может, этот профессор действительно сможет помочь?

– Думаешь, он не примет меня за сумасшедшего? – спрашиваю, не прекращая стук.

Елена улыбается, накрывает мою руку своей, останавливая нервное движение:

– Профессор сам немного... эксцентричный. Поверь, твоя история будет не самой странной из тех, что он слышал.

Её рука тёплая, и это прикосновение неожиданно успокаивает. Когда она убирает руку, чувствую лёгкое сожаление.

– Хорошо, – решаюсь. – Давай встретимся с ним. Но что я скажу? «Здравствуйте, у меня кот застрял в параллельном

измерении»?

– Примерно так, – смеётся Елена. – Я позвоню ему сегодня, договорюсь о встрече на завтра. Он работает при краеведческом музее. Там полно странных экспонатов, никто не удивится ещё одной странной истории.

Киваю, чувствуя, как часть тяжести, давившей на плечи, отступает. Один я бы никогда не решился пойти к какому-то профессору. Но с Еленой это кажется возможным.

– Спасибо, – говорю искренне.

– Не за что, – она снова улыбается. – В конце концов, если всё это правда, у меня будет материал для сенсационной статьи.

– Только без имён, – быстро добавляю.

– Конечно, – серьёзнееет Елена. – Я никогда не публикую то, что может навредить источникам.

Она допивает чай, начинает собираться:

– Я позвоню, когда договорюсь с профессором. А ты пока береги себя. И свой кулон, – добавляет она, взглянув на серебряную подвеску на моей шее.

– Обязательно, – отвечаю, провожая её до двери.

Когда Елена уходит, сад за окном уже тонет в сумерках. Полнолуние через две ночи. Интересно, что скажет профессор? И смогу ли я в итоге решиться отдать кулон, если другого выхода не будет?

Впервые за долгое время у меня появилось странное чувство – смесь тревоги и надежды. И пожалуй, последней чуть

больше.

***

Сон не идёт. Ворочаюсь с боку на бок, но мысли не дают покоя. Профессор завтра, Шурх с его требованием отдать кулон, полнолуние через две ночи... Часы показывают 2:33. Тишина давит на уши. Даже Черныш не сидит в ногах, мурлыча свою кошачью колыбельную. Поднимаюсь с кровати, подхожу к окну. Луна, почти полная, заливает сад серебром. И там, между яблонями, что-то движется – не ветер, а что-то более целеустремлённое, более... осознанное.

Натягиваю джинсы, свитер. Нашариваю в темноте тапочки. Тихо, стараясь не скрипеть половицами, спускаюсь по лестнице. Входная дверь открывается с еле слышным скрипом. Ночной воздух холодит лицо – свежий, с запахом земли и опавших яблок.

Сад ночью – совсем другой мир. Знакомые днём предметы приобретают странные, почти зловещие очертания. Яблони тянут ветви к небу, словно пытаюсь дотянуться до звёзд. Кусты смородины – чёрные пятна, прячущие неведомое. Лунный свет играет с травой, создавая причудливые тени.

Иду по дорожке к дальнему углу сада, где вчера разговаривал с Шурхом. Что-то подсказывает – они будут там. Кто «они», ещё не знаю, но чувствую чужое присутствие, словно за мной наблюдают десятки глаз.

Поворачиваю за угол сарая и вздрагиваю – они действительно здесь. Не один Шурх, а целая группа бурмаляков –

пять или шесть коренастых фигур с глазами, светящимися в темноте разными оттенками. Они сидят полукругом на земле, словно ждали меня.

– Человек-внук пришёл, – говорит самый крупный, с янтарными глазами. Его голос похож на шуршание осенних листьев, но в нём слышится сила и власть.

– Я... – начинаю, но запинаясь. Что я делаю здесь, посреди ночи, разговаривая с магическими существами? Может, я всё-таки сошёл с ума?

– Мы знаем, зачем ты здесь, – продолжает бурмаляк. – Шурх рассказал о разговоре с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.